

The background of the cover is a painting in shades of blue and green. It depicts a group of emaciated, skeletal figures standing in a line, possibly in a prison or a camp. In the upper right, a large, muscular, shirtless figure is visible, looking towards the group. The overall mood is somber and historical.

Виктор Снитковский

СКРЕЩЕНИЕ СУДЕБ

Художники ГУЛАГА

Лев Премиров и Ирина Калина

ВИКТОР СНИТКОВСКИЙ

СКРЕЩЕНИЕ СУДЕБ

ХУДОЖНИКИ ГУЛАГА

ЛЕВ ПРЕМИРОВ И ИРИНА КАЛИНА

БОСТОН • 2017 • BOSTON

Издание подготовлено к печати совместно с
Бостонским отделением общества «Мемориал»

Виктор Снитковский *Скрещение судеб. Художники ГУЛАГа*
Лев Премиров и Ирина Калина

Victor Snitkovsky *Skreshcheniye Sudeb. Khudozhniki GULAGA*
Lev Premirov and Irina Kalina

Copyright © 2017 by Victor Snitkovsky

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-940220666

Library of Congress Control Number 2017908209

Макет и подготовка к печати: © M•GRAPHICS PUBLISHING

Published by M•GRAPHICS, BOSTON, MA

☐ www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Printed in the USA

*По двадцать лет нам было в среднем.
Не подходил наш возраст к бредням,
Что следствие нагородило,
Мальчишек в чудищ превратило.*

Лев Премиров

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга написана для сохранения памяти о двух художниках-политических заключенных, безвинно попавших в ГУЛАГ. Они были далеки даже от попыток противодействовать советской власти. И, тем не менее, были осуждены по печально знаменитой статье № 58. Оба — типичные примеры имитации деятельности советских правоохранительных органов против так называемых «врагов народа». И вот два политических ЗКа встретились в каторжном «Степном лагере» около озера Балхаш. Точнее, встречи проходили по разные стороны забора из колючей проволоки.

Первый раз они увиделись, когда двадцатилетнюю красавицу Ирину Калину — недоучившуюся студентку художественного института, занятую на «тяжелом физическом труде», привели на встречу с изнеможенным, потерявшим в лагерях зубы, художником Львом Премировым. Он должен был определить, умеет ли молодая «катальщица тачек с бетоном» рисовать. Оказалось, умеет. Да и видеть такую красоту было счастьем для измученного ГУЛАГом Льва Премирова. Потом они выполняли с разных сторон забора материалы для «наглядной агитации» — плакаты, стенгазеты и другую блажь. Красота Ирины с тех пор вдохновляла творчество Премирова. Он писал ее портреты по памяти (около забора из колючей проволоки рисовать запрещалось), рисовал фантастические сценки, где сказочные персонажи преклонялись перед одетой в изысканные костюмы Ириной, изготовлял и расписывал шкатулки для своего божества. Оба, к счастью выжили, но их судьбы оказались изломанными.

На свободе, вернувшись в Москву Ирина, лишь один раз увидела оставленного на поселении в Караганде Льва

Премирова, когда он приехал в столицу, просить ее руки, хотя трепетные письма от художника она получала часто. Божество Премирова окунулось в море поклонения мужчин, когда училась в «Мухинском» училище (Ленинград), и потом в Москве. А он писал потрясающие картины, которые тогда не были никому нужны и, увы, с горя «много и шумно пил...».

Он умер шестидесятивосьмилетним в нищете и неизвестности на ржавой скрипучей кровати в Караганде. На полу под убогим ложем стопкой лежали его никому не нужные работы. Через тридцать лет после смерти художника музеи и коллекционеры начали гоняться за его холстами и картонами.

Бывшая политзаключенная Ирина Игнатьевна Калина каждую осень приходила в Москве на площадь перед главным зданием ГБни. Теперь там лежит «Соловецкий камень». В тот день, когда читают имена расстрелянных и замученных в сталинском ГУЛАГе, она держала в руках фотографию отца, забитого до смерти НКВДэшными преступниками во время следствия.

ЛЕВ МИХАЙЛОВИЧ ПРЕМИРОВ

«Сахаровский центр» скупно сообщает о Льве Премирове:

«Премиров Лев Михайлович (1912, Саратов — 1978, Караганда), живописец, график.

Вскоре после рождения сына семья переехала в Ульяновск. Оттуда юноша едет в Москву, поступает в Московский художественный институт имени В. И. Сурикова (МХИ), закончить который ему не дали. В 1937 был арестован. Осужден и отправлен в Ухтижемлаг. Был на общих работах, рисовал, писал стихи, очевидно, работал в культурно-воспитательной части (КВЧ). Летом 1943 еще находился в Ухте. В 1949 арестован повторно и выслан в Балхашское отделение Карлага. В ссылке находился до 1956, после чего жил в Караганде. В этот период, а возможно, еще в ссылке, иллюстрировал Шекспира, рисовал афиши для кинотеатра. В лагере и ссылке встречался с Л. Е. Кропивницким, Ф. М. Нарицей и Ю. И. Чирковым. Сведений о реабилитации нет».

(<http://www.sakharov-center.ru/asfcd/khudozhniki/?t=page&id=387>)

А вот строки с казахстанского сайта «Художники КАРЛАГА» о Льве Премирове:

«Живописец и график. Родился в Саратове. Отец был учителем физики в средней школе. Поехав в Москву, поступил в художественный институт, проучился 2 года. Арестован в 1934 г. Осужден 23 апреля 1935 г. по ст. 58–4, 58–11 УК РСФСР и приговорен к заключению в ИТЛ сроком на 6 лет. Заключение отбывал на

Томской ж.д., (станция Юрга, Юргинский Отдельный лагпункт), в Сиблаге (1-я ферма). Занимался изобретательством. Вторично судом Коми АССР приговорен в 1942 г. по ст. 59–10 к расстрелу, замененному заключением в ИТЛ сроком на 10 лет с поражением в правах на 5 лет. Срок отбывал в Степлаге, затем — ссылка в г. Балхаш. Освободился из ссылки в 1948 г., снят с учета, поселился в Караганде (Казахстан). Работал художником-оформителем. Реабилитирован в апреле 1964 г.»
 (http://shuak.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=60&catid=38&Itemid=126&lang=en)

О Льве Премирове я узнал в 1988 году в Москве от бывшей политзаключенной Ирины Калины, в которую художник безнадежно влюбился в 1950 году. Их разделял «колючий» забор между мужской и женской зонами каторжного Степлага (входил в состав Карлага). Там строили Балхашский горнорудный комбинат (БГК) — крупнейший в СССР производитель меди и редкоземельных металлов.

Я бывал в Балхаше на горнорудном комбинате в 1968–1972 годах, где занимался вопросами реконструкции. Бывал в те же годы и рядом — на испытательном полигоне, где в 1950-е годы испытывали ракеты КБ С. А. Лавочкина. К этому времени о работе заключенных на этих объектах говорили, как о далеком прошлом. А это прошлое, в действительности, продолжало жить в случайно выживших узниках. В тех людях, которые несмотря на все ужасы ГУЛАГа и трудности последующего выживания, продолжали любить и мечтать.

Вот сохранившаяся часть письма Льва Премирова, написанного, Ирине Калине:

«Каждому человеку нужен не только успех в его делах, но и личное счастье. Без них он вянет, и никакая удача не заменит ему этого простого теплого счастья. Я никогда его не имел. Раньше я не нуждался в нем, и только теперь, когда

встретил ... (текст на изломе листка не читаем) без него мне будет слишком тяжело. Вы теперь знаете мою жизнь, и Вам теперь понятнее будет эта жажда участия, сочувствия и любви. Я имею первое и второе, может быть, я добьюсь и третьего».

Текст написан карандашом на сильно поврежденном, пожелтевшем от времени, листке бумаги размером 11 x 10 см., размер текста 7.5 x 8.7 см., даты нет. Почерк красивый, мелкий, беглый. Листик имеет 6 горизонтальных линий сгиба и одну вертикальную. Видимо, был тайно передан через колючки забора при совместной работе. Где находится остальной текст с историей жизни Льва Премирова, если он сохранился, мне неизвестно.

Беззубый из-за цинги Лев Премиров общался с красавицей Ириной Калиной через колючую проволоку, когда им поручали совместно создать очередные «агитационно-массовые материалы», точнее плакаты с лозунгами в честь советской власти. Иногда он умудрялся передать ей объяснения в любви на картинках. Некоторые из его картинок и кое-какие письма Ирина Калина передала мне.

Уже в США я спросил своего алма-атинского знакомого писателя — в прошлом карагандинского журналиста, а затем заведующего отделом прозы казахстанского журнала «Простор», автора интересных повестей и романов Юрия Михайловича Герта о художнике Льве Премирове. Кроме устного ответа, Юрий Герт на мой вопрос написал воспоминания:

«...По воскресеньям торжественным, неспешным шагом (он всегда так шел по городу — торжественно, мерно ступая, будто не участвуя в уличной суете) к нашему дому подходил Лев Михайлович Премиров. Его грозное, черное, изрезанное морщинами лицо библейского пророка бывало по пасхальному светлым, смягченным, когда в огромной его ладони лежала тоненькая, почти прозрачная ручка дочери,

семенившей рядом. Ее звали Никой, у нее было нежное бледное личико, золотистые волосы и дерзкие, непокорные синие глаза. Она привычно, без особого аппетита, но и без отвращения грызла сырую картошку.

— Ничего нет лучше от цинги, чем сырая картошка, — говорил Премиров, посмеиваясь и посверкивая глубоко запавшими глазами из под мохнатых, клокастых бровей. — Вот я и учу свою Никуху, мало ли что в жизни случится... На Севере яблоки не растут, одна морошка, да картошка!»

Вот оно «советское воспитание»: семнадцать лет лагерного наказания «ни за что» заставили бывшего узника бояться непредсказуемую в своем идиотизме и жестокости «Софью Власьевну» настолько, что он, на всякий «советский случай», приучил любимую доченьку есть сырую картошку.

Далее Юрий Герт писал:

«Он два срока отсидел, в общей сложности — семнадцать лет. Первый срок — за то, что, будучи студентом художественного училища, скovyрнул вдвоем с товарищем в припадке хмельного озорства с высокого берега Волги газетный киоск: в нем, запертом на ночь, лежала пачка не распроданных за день газет с докладом Сталина. Второй срок вплотную примыкал к первому: сидевший в лагере анархист донес начальству об одном их весьма откровенном разговоре...»

Премиров жил в бараке рядом с нашей молодежной редакцией, много и шумно пил, а работал художником по рекламе в кинотеатре. Он приносил мне свои романы и повести, написанные мелким четким почерком в бухгалтерских книгах на синей бумаге, разграфленной по дебет-кредит. Одна повесть, с которой началось наше знакомство, рассказывала о лагерной любви, чистой, бурной и горькой. Я прочел ее про себя, потом вслух — жене. Все в ней было страшно и достоверно, может быть, еще и потому достоверно, что перед глазами у меня стояла наколка

на мускулистой руке Премирова, он показал ее мне, задрал рукав рубашки выше локтя: буквы и несколько цифр.

— Здесь ее адрес, видите? — сказал Премиров. — «Ч» — это улица Чкалова, возле Курского вокзала, а это — номер дома, квартиры... Может, зайдете, когда в Москве будете?..

Я бывал в Москве, но, хотя и переписал в блокнот адрес, ни разу по нему не зашел. Не смог...».

Как мне было понятно, речь шла об адресе Ирины Калины, о которой я написал выше. Уже после смерти Юрия Герта, я позвонил вдове писателя — Анне Герт в Кливленд. Она уточнила, что по указанному адресу в Москве на улице Чкалова они с мужем заходили, но соседи сказали, что адресат куда-то выехал. Далее Юрий Герт пишет:

«Повести его (Премирова — В.С.) не печатали, даже те, где он обходился без колючей проволоки, говорили, что написано не профессионально. И картины, которые писал он в мастерской кинотеатра, а потом складывал дома под железную койку, тоже не принимались на выставки членов худфонда — по той же причине. Один только раз — единственный! — ему повезло. Во Дворце горняков была устроена выставка художников города. Не знаю, каким образом Премирову довелось уговорить организаторов допустить его картины к участию в ней. То ли семнадцать лет лагерной жизни сыграли свою роль, то ли отсутствие денежной конкуренции, но, скорее всего — ощущение примитивщины, любительства, свойственного Премировским картинам, ведь не числился он в Союзе художников, не являлся членом Худфонда, малевал киноафиши — всего лишь.

И вот открылась выставка. Она заняла оба этажа. Картины висели в просторных залах, в театральном фойе, в нижнем вестибюле. Входя во дворец, находившийся в центре города, вы сразу погружались в иную, не свойственную Караганде атмосферу — сияющие пейзажи,

детские веселые личики, березки в парке (кстати, посаженном и выхоженном заключенными), улыбчивые шахтеры с винченными в шлемы лампочками, озарявшими, так сказать, путь к завтрашнему, в крайнем случае — послезавтрашнему коммунизму...

Премиров ограничился двумя картинами. На одной была лесная поляна, посреди — озеро, круглое, недвижимое, как бы наполненное не водой, а ртутью. И вокруг — неподвижные, застывшие, темные ели, смыкающиеся ветвями. И туман, повисший над озером, над поляной, над елями, над густой травой, окольцовывающей озеро, наступающей на него, грозящей превратить его в болото... И вторая картина, большая, не характерных для Премирова размеров, написанная, как и первая, маслом: проложенная по тонущим в грязи бревешкам дорога, по бокам — почерневшие, обугленные березы, их ветки, остатки обломанных и еще уцелевших ветвей вскинуты к пустому, без единого облачка небу... А дорога впереди увязает в топях, уходит в стоячую мертвую воду, на дно...

Я никогда — ни раньше, ни потом — не видывал такой толпы, которая в глубокой, глубочайшей тишине стояла перед картиной... Точнее — перед картинами Премирова, расположенными рядом, одна из них называлась «Озеро», другая — «Дорога». Рыхлая, рваная цепочка тянулась возле прочих картин, а здесь толпа все время нарастала, набухла, и я замечал у многих женщин порозовевшие, покрасневшие глаза, прижатые к щекам платочки, мужчины же вглядывались в полотна, заключенные в простые крашеные рамы, кадыки у них прыгали, слатывая слюну, глаза щурились, будто всматривались в какую-то позабытую и вдруг ожившую даль... Пейзаж?.. Не только пейзаж... Это была их жизнь, изображенная на полотне кистью и краской... И когда, уже после того, как выставка закончилась, я листал «Книгу отзывов», там были записи только о картинах Премирова — и ни об одной больше...

Естественно, к участию в других выставках, которые порой в Караганде случались, члены Союза художников СССР его уже не допускали.

...Он говорил:

— Все люди делятся на тех, у кого позвоночник вертикальный и у кого он горизонтальный... — И посмеивался, потирая подбородок. У него была прямая спина».

О Льве Премирове я спрашивал у поэта Наума Коржавина в Бостоне. Дело в том, что Коржавин был дружен с Юрием Гертом и его женой Анной с карагандинских времен. Юрий Герт дважды из Кливленда приезжал в Бостон и останавливался в нашей квартире. Один раз я привез к нам Наума Коржавина с женой Любой. На мой вопрос о Премирове, Коржавин ответил, что он знал художника, но не был с ним близок. Из-за очень плохого зрения поэт не мог составить представления о живописи Премирова.

В советском Казахстане Лев Премиров никому не был нужен. И лишь, когда Казахстан стал независимым, когда тяжкие пути советского наследия постепенно стали выветриваться, в стране вспомнили о многих. Тех многих, независимо от национальности, которых в советские годы постарались вычеркнуть из памяти.

До развала СССР ни одной строки, посвященной Льву Премирову, не опубликовали. Большинство его рисунков и картин пропало или хранилось у друзей и случайных людей. Многие художественные тексты Премирова утеряны, да и интерес к творчеству Льва Премирова возник лишь недавно.

Ниже привожу статью Анастасии Машниной «Неблагонадежные наброски» от 2 февраля 2011 года (<http://www.nv.kz/2011/02/02/19936/>):

«На прошлой неделе «всплыли» до того не известные рисунки репрессированного художника Льва Премирова, знаменитого своим эксцентричным поведением и альбомом вос-

поминаний об ужасах лагерной жизни. Лев Михайлович жил под постоянным надзором чекистов. Его не раз обыскивали, а работы конфисковали. Но не творить он не мог. Рисовал прямо на своей одежде, превратив себя в живой протест. Это был один из самых неординарных «лагерных» художников Караганды. Печально, что сегодня его рисунки должны покинуть наш город.

Родственников у Льва Михайловича в Караганде не осталось. После смерти художника наброски и картины хранились у друзей. Позже они передали множество рисунков, два иллюстрированных альбома и живописное полотно в областной музей изобразительных искусств. Все это не раз демонстрировалось на выставках. Но оставалась часть работ, не известных широкой публике. На прошлой неделе владелец восьми карандашных набросков и автопортрета Премирова решил расстаться со своей коллекцией. И продал ее в антикварный салон «Презент». Теперь их новый обладатель планирует увезти рисунки в Алматы. Коллекционеры южной столицы проявляют интерес к творчеству лагерного художника.

Лев Премиров — сын писателя Михаила Премирова, который много публиковался в начале прошлого века и был отмечен литературной богемой. Его рассказы хвалили Блок, Бунин и Короленко. Лев Премиров унаследовал от отца литературный талант. Он писал стихи. Но мечтал получить образование живописца. Поступил в художественный **ТЕХНИКУМ** (Выделено автором, так как отличается от данных об обучении в художественном институте им. Сурикова — «строгановке» в начале текста — В.С.) в Москве, однако проучился там недолго. В 1934 году его и еще нескольких студентов арестовали прямо на занятиях по доносу сокурсника. Его обвинили в контрреволюционной деятельности. Военный трибунал приговорил начинающего художника к шести годам лагерей. Следом за сыном за колючую проволоку отправили и его отца, который вскоре погиб в заключении».

Я нашел на сайте российского «Мемориала» фрагмент из «Книги памяти Ульяновской области: *«Премиров Михаил Львович (Отец художника Премирова Льва Михайловича) 1878 г.р., Саратовская обл., пенсионер, житель: г. Ульяновска. Осужден 23 апреля 1935 г. Военный трибунал ПРИВО. Обвинен по статьям 58–4, 58–11 УК РСФСР Приговор: 6 лет. Умер в заключении в 1935 г. Реабилитирован в апреле 1964 года».*

Вспомните один из самых горьких советских анекдотов:

«Конвоир спрашивает у заключенного:

— Тебе сколько дали?

— Двадцать пять.

— За что?

— Ни за что.

— Ни за что дают пятнадцать».

Вот вам пример того, что «ни за что» Премиров-старший умер в лагере, а его сыну многими годами заключения в каторжных лагерях сломали жизнь и почти похоронили его творческую жизнь.

Дальше снова слово Анастасии Машниной:

«А вот сын — Лев Михайлович выжил. Сначала отсидел в Ухте. А когда срок подходил к концу, его снова обвинили — за клевету на политику советского правительства. Позже художник описывал в дневниках свои ощущения: было тяжелое следствие, во время которого он чувствовал, что, скорее всего, ему вынесут смертный приговор. Интуиция подсказывала: надо все отрицать. Он так и делал. И в результате высшую меру заменили на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Все остальные, кто проходил вместе с ним по делу, были расстреляны. Второй срок Лев Михайлович отбывал в СтепЛАГе. Освободившись, поселился в Караганде.

— Тут у него не было толком работы, — рассказывает научный сотрудник музея изобразительного искусства Айгуль

Омарова. — Он писал плакаты и рисовал билеты в троллейбусном парке. Больше его никуда не приглашали.

За ним ведь тянулся неблагонадежный шлейф. И потом, он был человек пьющий. У него была супруга, по всей видимости, из репрессированных, она также сильно пила. Для Льва Михайловича все это было очень тяжело. Он нигде не мог себя приспособить. Творчество стало единственной отдушиной. Он разрисовывал себе рубашки и штаны. И весь его вид, его работы — все это будто кричало: «Вот что со мной сделали, как мне сломали жизнь, я хотел творить, а меня посадили в это болото!». Непризнанный и непонятый, он скончался в 1978 году. Его имя, как художника, начало всплывать только в начале девяностых. После себя он оставил очень большой мемориальный материал. Это вообще память всем, кто сидел в сталинских лагерях.

Сотрудники музея, едва взглянув на появившиеся в антикварном салоне работы, сразу узнали руку Льва Михайловича... На экспрессивном автопортрете стоит узнаваемый авторский знак Премирова. На оборотной стороне одного из рисунков рукой художника написано стихотворение:

Шумит, гремит Марсель в таверне «Трех бродяг».

Матросы пьют там эль и девушки жуют табак.

Там жизнь не дорога, опасна там любовь.

И часто по утрам слуга-китаец смывает с пола кровь.

На карандашных рисунках Премирова изображены полуголые веселые женщины и пирующие мужчины. Специалисты относят все работы к семидесятым годам прошлого века и связывают их разгульные сюжеты с общим моральным разложением в период застоя. (Увы, и специалисты бывают глупы — В.С.)

— В этих рисунках присутствует какая-то дьявольщина, — говорит Айгуль Саулетовна. — В семидесятих годах

в советском обществе как раз началось брожение и гниение, которое творческие люди чувствуют первыми. — Могут ли эти работы Премирова заинтересовать карагандинские музеи? — Да. У нас большой фонд произведений репрессированных художников. По крупицам мы воссоздаем историю изобразительного искусства в Казахстане. Караганда — молодой город. Такие люди, как Лев Михайлович, заброшенные сюда злой судьбой, дали толчок культуре, которую мы наблюдаем сейчас».

Со своей стороны хочу сказать, что работы Льва Премирова ныне «разбрелись» не только по Казахстану. Теперь они есть и в США (у автора — В.С.), и в Израиле (по сведениям Анны Герт, Кливленд, США — В.С.).

В этом плане нужно напомнить и о портрете Льва Премирова работы Гилярия Гилевского (родился 05.05.1932 — умер в Польше) — художника, поляка по национальности, который после отъезда из Казахстана и до недавнего времени жил в польском городе Радоме. Тринадцатилетнего В. Гилевского с родителями в 1945-м году выслали из Польши. В Караганде он состоялся как личность и как художник. Это один из учеников друга Игоря Грабаря — Владимира Эйферта, немца по национальности, известнейшего в довоенные годы в Москве и Ленинграде

Портрет Льва Премирова
работы Гилярия Гилевского
Находится в Караганде, Казахстан.

художника и деятеля культуры. В 1941 году В.Эйферта по «национальному признаку», как и всех немцев, выслали из европейской части СССР. В Караганде он создал первую в «столице» КАРЛАГа профессиональную студию изобразительного искусства. У Владимира Эйферта Гилевский научился главному — преданному служению искусству и, конечно же, получил первые уроки мастерства. После окончания Пензенского художественного училища Гилевский много работал в области городского пейзажа. Благодаря его панорамным полотнам мы запомнили облик «Старого города» Караганды, практически уже не существующего. Я помню эти пейзажи по командировкам в конце 1960-х годов. Многочисленные терриконы, копры, вросшие в землю мазанки с маленькими оконцами — жилища людей, высланных из европейской части СССР и недавних ЗЭКов. Всё это Гилевский писал с душевным трепетом, ибо это была боль его души. На темы старой Караганды есть также работы другого казахстанского художника — Ивана Яковлевича Стадничука. Они находятся в моей домашней коллекции.

Я семнадцать лет — с 1975 по 1992 год ходил в студию «Пятница» (руководитель И. Я. Стадничук) при Союзе художников (СХ) Казахстана, общался со многими членами и руководителями СХ, но никогда не слышал ни одного упоминания о Льве Премирове.

Советская власть душила память о собственных преступлениях. Даже дети политических репрессированных, то есть, репрессированных «ни за что», достигнув административных высот в Казахстане, под мертвящим прессом Кремля, молчали и не позволяли говорить о репрессиях другим. Собственно говоря, подавляющее большинство политических репрессированных никакого отношения к политической деятельности вообще не имели. Когда распался Советский Союз, казахстанские власти перестали скрывать потери своего населения во время восстания против царских колонизаторов в 1916 году, многочисленные голодные смерти в первые годы после «великой» Октябрьской революции — мятежа под руководством

выродков, и страшный голодомор 1932–1933 годов. Тогда, по подсчетам демографов, вымерла в страшных муках от голода четверть (!!!) казахского населения.

Первым правильно оценил потери казахского населения в результате голода 1932–1933 годов Сергей Максудов (настоящая фамилия Александр Бабенышев, Гарвардский университет, Бостон, США). Дороги из аулов в города были усеяны трупами. Только в Китай откочевали от мертвой хватки грабителей-большевиков сотни тысяч казахов, и около 200 тысяч казахов бежали в Сибирь. Так вот, когда Казахстан снова стал самостоятельной страной, оказалось, что в демократическом государстве общественность и ученые интересуются своей реальной историей советского времени и более глубокого прошлого, искаженных советской пропагандой.

В этом плане профессиональное мастерство и острый взгляд Премирова в его картинах, посвященных лагерной теме, — пример сильного эмоционального воздействия для тех, кто хочет познавать реальную историю, а не ту, которую измышляет нынешний министр культуры России Владимир Мединский — преемник Геббельса, Суслова, и им подобных.

Счастлив, что руководство Казахстана и общественность страны это понимают, в отличие от главного российского мафиози и 86 процентов населения России — его «послушно-агрессивных» поклонников.

Я хорошо знаю, что ныне покойный преподаватель Казахского государственного университета (КазГУ) Александр Жовтис, первый раз был уволен за космополитизм, как друг сосланного в Алма-Ату писателя — Юрия Домбровского. После смерти усатого бандита, А. Жовтиса восстановили в университете. Вскоре он перевел на русский язык стихи талантливого казахского поэта Магжана Жумабаева, репрессированного в сталинское время по политическим мотивам. Несмотря на более свежий воздух в стране, Жовтиса уволили повторно, но уже за «казахский национализм». Казахские друзья помогли

опальному переводчику снова восстановится в КазГУ. Через какое-то время Жовтиса, читавшего лекции по древнерусской литературе уволили из университета за «татарский национализм», ибо он сказал на лекции несколько добрых слов о татарском хане, пощадившем русских пленников. Затем его увольняли за «русский шовинизм» и в последний раз, и окончательно за «сионизм» из-за знакомства с поэтом-песенником Александром Галичем. К счастью, подобный идиотизм наследников Сталина ушел из Казахстана и, надеюсь, навсегда.

В казахстанских музеях есть много работ мастеров живописи, в том числе большой пласт работ репрессированных художников и скульпторов, имена которых ещё не успели набрать достойной славы. Их нужно открывать и открывать, как делает это проект «КАРЛАГ. Память во имя будущего» карагандинского профессора Нурлана Дулатбекова.

В Караганде вышло уже более десяти томов капитального научного исследования по истории «КАРЛАГа». Каждый том исследования выходит на трех языках — казахском, английском и русском. Автор идеи и деятельный участник проекта — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной АН Казахстана — Нурлан Дулатбеков. Сейчас он работает над книгой о математике, поэте и «отце» движения советских диссидентов — Александре Сергеевиче Есенине-Вольпине, насильно загнанным советской властью в ссылку в Казахстан. Профессор Дулатбеков даже приезжал в Бостон в 2014 году, чтобы встретится с «дедушкой» советских диссидентов, который много лет жил в Бостоне, и недавно умер.

Нынешний интерес казахстанцев к творчеству Льва Премирова показывает, что им дорога память о людях всех национальностей. И это заслуживает высочайшего уважения.

Выпущенный в 2015 году том проекта под руководством проф. Н. Дулатбекова под названием «Черным карандашом Карлага...», посвящен судьбе и творчеству художников СССР,

оказавшихся в КАРЛАГе. В число героев этого тома — изгоев преступного сталинского режима, попал и Лев Михайлович Премиров, хотя он и не получил законченного художественно-систематического высшего образования — успел проучиться всего два года в художественном институте им. Сурикова в Москве, но талант виден во всех его работах. Он не был только пейзажистом, только портретистом и так далее. Нет, он был настоящим художником, то есть, мастером во всех жанрах. А то, что талант дважды репрессированного на много лет художника не расцвел, как это было бы в свободной стране, спросить ныне не с кого.

В «Карагандинском областном музее искусств» есть толстая рукописная книга воспоминаний Льва Премирова, но она не издана и даже не оцифрована. А жаль, ведь там мысли наблюдательного и талантливого человека. Но молодым нужно понимать, что «жизнь по-советски» — это большевистский террор против людей всех национальностей.

Если в Советском Союзе «интернационализм» был показным, а, в действительности, национальные культуры были, как бы, второстепенными, то ныне в Казахстане существуют свободно общественные и национальные организации без государственного прессы и причисления их к «иностранным агентам», как это делается в России.

*Наш лагерь в город перерос
Бульварами кругом оброс
И кости — ржавые шипы
Уж не торчат среди тропы.*

Лев Премиров

Приложение:

Письмо Льва Премирова Ирине Калине от 9 марта 1954 года

(расшифровку текста письма см. стр. 31–34)

9/III-54.

Мой незабвенный, единственный друг!

Да, где бы Вы всегда оставались, и
Ирина, как бы бы ни было Ваше отноше-
ние теперь ко мне.

Я часто был виноват перед Вами, я
часто оскорблял Вас, но никогда не пере-
тачивал бесцельно уговесты и любовь.
Вас, что я совершил, не имеет зна-
чения, и бы я не делал свое уговесты,
и совершил все что Вы знаете по
другим причинам.

Мне довольно об этом.

Не ~~хотел~~ ^{прошу} от Вас ничего, кроме восстани-
тельного дружбы, и бы не любил без нее жить.

Всю эту жизнь, когда мне казалось пос-
ле последнего письма Вашей мамы,
это заклятие мне казалось, и не
пересовал и не писал ни о чем своем.
Я бы был ступил, и исчез бы всякий
бояз и творчество.

Сейчас я воскресая. Две ночи не спал,
все обдумывал "триггероведный!!!"
суджарид. Помните, я писал Вам когда-
то о романе по поводу о Буддизме, о
истинностих верованиях и т. д.?

2)
 Как быт роман превратился в иде-
 нарий, и во всяком случае художники, зря-
 те самые образы у нас преобладают.
 Конечно, заныли идеальные образы и
 изменились, хотя и не совсем.

Как быт роман чернее такой;

Пролог.

Говорят философ. Телесности, это бы
 это был артист, умышленно скрывает
 личность, выразительно и зря. Он
 стоит на фоне триггера, но не знает
 предметности быта.

Речь его примерно такая:

Сейчас вы увидите пролог, и вы
 не будете знать о том, что вы увидите

в истории, ~~но вы увидите~~

В ней мы попытаемся дать какую-то
 картину, очень отдаленную.

Но ~~мы попытаемся~~ ^{мы попытаемся} рассказать историю
 историю, ~~мы попытаемся~~.

Еще в древние времена, во времена
 Римского оленения, когда мы все собрали
 и а что был покорился людям, перво-
 степенно человек, ~~мы попытаемся~~ ~~здесь~~
 жить у человека костры, устремили свой
 взор к нему.

Видел костры и несколько пролозинов
 вокруг него. Звучит, пох.

3)

После этого одна отрывочная стремительно-
 по сменитотом с дружины. Толка фактора
 брывается моментом в ^{на факт} ^{мелодический} ^{Торжественный}
 торжественно непрерывно ^{звучит}.

Он говорит: ^{Куртис:} ^{звучит} Епископ! ^(аудио)

Рабби строгая зорка. Зорка пострах,
 туча с бесчисленными ^{звездами} на ^{небесах}
 планете звезд. Звездный Рим. ^{интерпретация}
 иная школа. Астрономы. философы,
 средние века. Джорджо Торджо ^{поют}
 на костуре. Леонардо изобретает ^{картину}.
 Павли. ^{какие} ^{бодрые} ^{идут} в ^{аэроплан}
 к ^{машине}. ^{летят} самолеты.

Диктор! ^{какие} ^{революции} и ^{бодрые},
^{нужно} ^{срочно} за ^{будущее} ^{всего} ^{челове-}
^{чества}. ^и ^{все} ^{бодрые} ^{летят} ^{картинные}
^{карты}.
 Сидели ^{бы} ^{увидите} ^{это} ^{дальнее}
 будущее, ^{бы} ^{увидите}, как ^{вся} ^{зем-}
^{ля} ^{превратится} ^в ^{бодрые} ^{идущий} ^{суд},
 как ^{бы} ^{увидите} ^{фору} ^{из} ^{золота} ^и
^{ирисора}, ^{бы} ^{увидите} ^{эпоху}, ^{когда}
^{полет} ^{на} ^{марс} ^{или} ^{венера} ^{стали} ^{поиски-}
^{ми} ^{обычными}, ^{как} ^{поезд} ^в ^{другой} ^{город},
^{бы} ^{увидите} ^{какую} ^{порогу} ^{людей}, ^{какие}
^{поэмы} ^{стали} ^{все} ^{рабы}, ^и ^{созданы} ^{новое},
^{красивое} ^и ^{справное} ^{племя}, ^и ^{бы}

4)

убьют Борбу, пелю-те пестую;
 как и пелю-те, но Борбу не пелю и
 рудей, а пелю, и все убьют, это и
 тогда будут так-те пелю-те
 кровью и пелю-те разлученные сер-
 це, и будет забав, но будет и
 победа! (как пелю-те говорит все
 это, забавит все сильнее пелю-те,
 торжествующе пелю-те Тютчевен.
 И так разорвись, забав!

После этого пелю-те, создаваемо
 арабам. Забавки пелю-те:

Молодой пелю-те создает ракету для
 полета на космическую звезду. У него
 есть и другие пелю-те. С пелю-те (дочка-
 тифа) отец пелю-те председатель
 совета интеллект, против полета.

(Земля лететь, работает и совершенной
 системы, у нас есть все).

Все пелю-те молодой пелю-те летит, отец
 пелю-те пелю-те переживает и обрывает
 отлет ракеты, это все он не пелю-те
 вместе с пелю-те. Они оспа-
 ется. Полет. приключит. После
 войны и совершенной системы ракеты
 и, и пелю-те и космические просторы.

5)

Вселенной. Ракета сталкивается с метеором и взрывается. Все кончено. Девушка узнает о гибели брата в космосе "новой звездой" в телескоп. У нее сын от поминки.

Эпилог.

Через океан. К берегу мальчик идет корабль-игрушку. Рядом он старается, ~~идет~~ приближает ленту с марионетским парусом. Ветер над океаном.

~~Мальчик идет корабль. Он слышит с борта на борт, кто-то из уютов, но нет, взрывается корабль, все уходит.~~

Мальчик и мать смотрят в небо: куда-то улетит мой корабль?

Жизнь над морем вспыхивает в небе как искра умерших звезд.

Мальчик: где-то,

— куда-то?

Мальчик: — В-о-о-о-о-о-о к той звездочке!

Мать: — А если улетит?

Мальчик уверенно: — Нет, он не улетит!

Корабль исчезает вдали. Сумерки наступают. неподвижно стоят люди, опершись на холмы сына рукой, и все вдре разгорается звезда,

изряд, переживается зеленым и
красным. 6)

Конечно, ираны, это самый короткий вариант.
Я просто хотел ~~написать~~ все ознакомиться с
общим планом, как он теперь сложился.
Будет масса моментов, кого поговорит
ты, не будет на земле, кого обдумает
все с другой стороны.

Кроме того, я хочу, когда напишу все
схематично, еще будет что рисовать и даже
определить схематично, как я все это представлю.
Ах, но я хочу, чтобы он все был
пронизан настроением, чтобы он был
"музыкальным" даже не ~~был~~ искинкой
музыкой, которая также будет часть
эпохи. Чтобы это была героическая
и лирическая поэма, поэма о великом
строительстве к бескомпромиссу.

Это все скажете на все это?

Когда все сделаю, покажу вам с подробной
определенностью все это ~~каждому~~ из редак-
серов и с музыкой. Там будет не

изучить, может - быть, с Вашей четкой
рукой, и мы поведем?!)

Тябу и озлобленно, зима, рисовать она
снова начала после большого перерыва.

Работает в том же кинотеатре.

Зимой привалять ей рисовать
микроскопического строения тканей
тела и органов из мезодермального ин-
стинкта, так-то зиму прожил
счастно, хотя была она суровая и длинная.

Земляно комнату в многоквартир-
ном доме Ляктовском на 32
квартире вблизи города.

Здоровье хорошее.

Посылаю 3 фото ~~к~~^с иллюстраций
к Горьковскому Делю.

Это все не память. Помните,
Филипп Урико, кому сожалею из-
вили, Великий художник про-
фессором. Это она интересно
скитает?

Если будете писать, напишите
письмом, не ищете себе.

Ваш старый друг
Леба.

Мой незабвенный, единственный друг! Да, для меня Вы всегда останетесь им, Ирина, каково бы ни было Ваше отношение теперь ко мне.

Я часто был виноват перед Вами, я часто огорчал Вас, но никогда не переставал бесконечно уважать и любить.

Все, что я совершил, не имеет значения, ибо я не делил свое чувство, и не совершал все, что Вы знаете по другим причинам.

Но довольно об этом.

Не прошу от Вас ничего, кроме восстановления дружбы, ибо не могу без Вас жить.

Всю эту зиму, когда мне казалось после последнего письма Вашей мамы, что знакомство наше кончилось, я не нарисовал и не написал ни одной вещи.

Не было стимула, и исчезла всякая воля к творчеству.

Сейчас я воскресаяю. Две ночи не спал, все обдумывал «грандиознейший!!!» сценарий. Помните, я писал Вам когда-то о романе на тему о будущем, о межпланетных перелетах и т.д. Так вот, роман превратился в сценарий, ибо, поскольку я художник, зрительные образы у меня преобладают.

Конечно, замысел коренным образом изменился. Хотя идея осталась. План, в общих чертах такой:

Пролог

Говорит диктор. Желательно, что бы он был артистом, умеющим хорошо читать, выразительно и ярко. Он стоит на фоне грандиозного занавеса фантастического вида.

Речь его примерно такова:

Сейчас Вы увидите пролог, ибо без него будет неясно то, что Вы увидите в картине.

В ней мы даем кусок будущего, очень отдаленного.

Но сначала перелистаем быстро историю.

Еще в древние времена во время Великого оледенения, когда вся Европа и Азия были покрыты льдами, первобытный человек, сидя у ночного костра, устремлял свой взор к небу.

Видим костер и несколько троглодитов вокруг него. Звезды, ночь.

После этого одни отрывки стремительно сменяются другими. Голос диктора врывается моментами в музыку (желательно Бетховена), которая почти непрерывно звучит.

Он говорит: Древний Египет!

Картины: рабы строят гарем. Гарем построен. Жрец с высокой башни наблюдает течение звезд. Греция и Рим. Пифагорейская школа. Астрономы-философы. Средние века. Джордано Бруно горит на костре. Леонардо изобретает крылья. Война. Наши войска идут в атаку. Катюши. Летят самолеты.

Диктор: Шли войны, народ сражался за будущее всего человечества. Все выше летят крылатые люди. Сейчас Вы увидите это далекое будущее. Вы увидите, как вся земля превратилась в цветущий сад. Вы увидите дворцы из золота и мрамора, вы увидите эпоху, когда полет на Марс или Венеру стали такими же обычными, как поездки в другой город. Вы увидите новую породу людей, когда слились почти все расы, и создалось новое, красивое и стройное племя, и Вы увидите борьбу, такую же жестокую, как и теперь, но борьбу не мечей и ружей, а идей, и вы увидите, что и тогда будут также истекать кровью и слезами два разлученных сердца, и будет гибель, но будет и победа! (Когда диктор говорит это, звучит все сильнее музыка, торжественно гремит Бетховен). Итак, разорвись завеса!

После этого начинается собственно фильм. Завязка такова:

Молодой ученый создает ракету для полета на ближайшую звезду. У него есть любимая девушка (пусть художница). Отец девушки — представитель совета инженеров, против полета. (Зачем лететь, хватит и Солнечной системы, у нас есть все).

Все таки молодой ученый летит. Отец девушки неверно передает ей о времени отлета ракеты, чтобы она не улетела вместе с возлюбленным. Она остается. Полет. Приключения.

После вылета из Солнечной системы ракета исчезает в межзвездных просторах Вселенной.

Ракета сталкивается с метеором и взрывается. Все гибнут. Девушка узнает о гибели, видя вспышку «новой звезды» в телескоп. У нее сын от погибшего.

Эпилог

Берег океана. На берегу мальчик делает корабль-игрушку. Пыхтя от старания, он прилаживает мачту с маленьким парусом. Вечер над океаном. Спускает кораблик. Он скользит с волны на волну, кажется, утонет, но нет, выправился. Плывет, все удаляясь. Мальчик и мать смотрят.

Мать: — Куда же плывет твой кораблик? (*Низко над морем вспыхивает наступающих сумерках звезда*).

Мальчик: — Далеко.

Мать: — Куда же?

Мальчик: — В-о-о-о-т к той звездочке!

Мать: — А если утонет?

Мальчик (уверенно): Нет, он не утонет!

Кораблик исчезает вдали. Сумерки густеет. Неподвижно стоит мать, опершись на голову сына, и все ярче разгорается звезда, играя, переливаясь зеленым и красным.

* * *

Конечно, Ирина, это самые краткие наброски. Я просто хотел Вас ознакомить с общим планом, как он теперь смотрится. Будет масса моментов, надо показать жизнь людей, надо обдумать с научной стороны. Кроме того, я хочу, когда напишу весь сценарий, снабдить его рисунками и даже отдельными схемами, как я это все представляю. Но я хочу, чтобы он весь был пронизан настроением, чтобы он был «музыкальным» даже включая музыку, которая также будет часто звучать. Чтобы это была героически-лирическая поэма. Поэма о вечном стремлении к бесконечному.

Что вы скажете об этом?

Когда все сделаю, пошлю Вам с просьбой отнести все в журналы. Чем черт не шутит, может быть, с Вашей легкой руки, и мы победим?!

Живу я однообразно, читаю, рисовать опять скоро начну после большого перерыва.

Работаю в том же кинотеатре. Зимой прирабатывал рисованием микроскопического строения тела и органов для медицинского института, так что зиму прожил сносно, хотя была она суровая и длинная. Занимаю комнату в многоквартирном доме жактовском на 32 квартиры нового города.

Здоровье сносное.

Посылаю три фото с иллюстрацией к горьковскому Данко.

Это Вам на память. Покажите, милая Ирина, кому сочтете лучшим, вашим художественным профессорам. Что они интересно скажут?

Если вздумаете писать, пишите настаивать не имею права.

Ваш верный друг

Лева.

(Расшифровка авторского рукописного текста на семи страницах проведена Виктором Снитковским. По сути, «план сценария», написанный Львом Премировым, это еще одно трепетное объяснение художника в любви Ирине Калине).

ИРИНА ИГНАТЬЕВНА КАЛИНА

«ПОЛОВОЙ ВОПРОС ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ»*

ВИКТОР СНИТКОВСКИЙ

«Половой вопрос при социализме» — название монографии профессора Залкинда, вышедшей в 20-х годах XX века. В этом «научном» труде автор, например, всерьез запрещал комсомолке ложиться в постель с политически безграмотным мужчиной. Принципы свободной, но политически целесообразной любви, процветали лишь в первые годы после большевистской революции. После «Голодомора» 1932–1933 годов (потери населения в СССР от голода не менее 6 млн. человек, возможно до 9 млн. человек) и «Большого террора» 1937–1938 годов (потери населения около 1 млн. человек расстрелянных) большевистская верхушка озаботилась потерей населения, и запретила аборт. Для Сталина женщина была работницей и производителем новых солдат и рабочих. Именно поэтому Кремль запретил женщинам делать аборт. А затем, в результате гигантской потери населения в годы Великой Отечественной войны в Советском Союзе закрыли глаза на поистине массовое сожительство женщин с оккупантами во время Великой Отечественной войны. Но это было не всепрощение, сталинский режим не прощал ничего и никому. Нужны были новые

* Первоначально в США статья В. Снитковского «Половой вопрос при социализме» появилась в журнале «Вестник», Балтимор. Ранее статья была опубликована в республиканском еженедельнике «Горизонт» № 7 (111) от 7 февраля 1990 г., Алма-Ата, Казахстан (Это была первая публикация об Ирине Калине, как о жертве сталинских политических репрессий). В данной книге статья приводится с некоторыми изменениями и дополнениями.

рабочие, крестьяне и, главное, «пушечное мясо». Кроме того, пресса разъяснила «фронтovým женам», что «фронтové мужья» должны вернуться к семьям.

А вот в «развратной» Франции после окончания фашистской оккупации, женщин, деливших в то время постель с немцами, провели напоказ по улицам.

Специальной монографии заслуживает тема «Женщины в ГУЛАГе». Эту тему начал разрабатывать в «Архипелаге ГУЛАГ» еще Солженицын:

«Ну, какой товар привезли?» — спросил покупатель на Бутырском вокзале, увидев и рассматривая по статьям семнадцатилетнюю Иру Калину. Человеческая природа, если и меняется, то не намного быстрее, чем геологический облик земли. И то чувство любопытства и смакования, которой ощущали двадцать пять веков назад работорговцы на рынке рабынь, конечно владело и гулаговскими чиновниками в Усманской тюрьме в 1947 году, когда они, десятка два мужчин в форме МВД, уселись за несколько столов, покрытых простынями (это для важности, иначе все-таки неудобно), а заключенные женщины все раздевались в соседнем блоке и обнаженными и босыми должны были проходить перед ними, поворачиваться, останавливаться, отвечать на вопросы. «Руки опусти!» — указывали тем, кто принимал защитные положения античных статуй (офицеры ведь серьезно выбирали наложниц для себя и своего окружения)».

Ирина Калина не знает, кто рассказал о ней писателю. До ареста она окончила театрально-художественное училище и поступила учиться в Московский институт декоративно-прикладного искусства. Арестовали Ирину в 1949 г., когда ей уже был двадцать один год, а не в семнадцать, как написано у Солженицына. Но все остальное — правда. В том числе, и приемная зона Бутырки, названная Солженицыным «вокзалом». Осудили И.Калину по политической статье

с группой сокурсников — «детей врагов народа». С Ириной Игнатьевной Калиной я познакомился на первой конференции «Мемориала» в 1988 г. Невозможно было поверить, что стройной высокой красавице уже исполнилось 60 лет.

Позже Ирина рассказала мне, что перед «комиссией», о которой писал Солженицын, женщин остригали наголо и брили им подмышки и лобки, татуировали на тыльной стороне ладони номер. Так Ирина превратилась на пять лет в № СХ-365. Выполняли «работу» мужчины в военной форме. Наверное, бывшая узница ГУЛАГа, прошедшая ад рядом с Ириной Калиной, постеснялась рассказать эти «детали» Солженицыну.

Думаю, что имидж скота-чекиста, обривающего голову, подмышки и лобок женщине и стреляющего в затылок жертве — куда больше соответствует истине, чем образ чекиста «с горячим сердцем и холодным умом» из газеты для пионеров и пенсионеров «Совершенно секретно».

Солагерницы Калины рассказывали мне, что в «Степном» лагере особого режима. Ирина после каторжного дневного труда, когда все валились с ног, стирала и гладила свои вещи, подшивала белый воротничок. И рано утром ее белый воротничок, как чудом залетевшая в ад чайка, удивлял заключенных и надзирателей. В белом воротничке она катала тачки с бетоном на строительстве Балхашского горнорудного комбината. Это был ее стиль, привитый родителями — никогда не опускаться, не уступать насилию. И тачки с бетоном она катала, потому что не уступила насилию лобкобреев с пустыми сердцами и грязными руками. Конечно, в ее судьбе сказался и элемент везения. Однако выстоять смогли лишь те, кто яростно сопротивлялся. Объясняя ситуацию, Ирина Калина рассказывала:

«Они, конечно, пытались заполучить меня. Но я их настолько презирала и ненавидела их, что после нескольких побоищ они поняли — чтобы получить меня, сначала меня нужно убить». Впоследствии ее, как художницу, перевели на оформление «наглядно-массовой агитации».

Бывшая политзэчка Сусанна Печура касательно истории Ирины Калины сказала мне:

«Там — в лагерях, все было возможно, а Ирине, возможно, повезло. Известно, что некоторые «интеллигентные» лагерные начальники требовали покорности от пригланувшихся им узниц лагерей, запугивая «трамваем»: сначала насилуют десять человек здоровых, а потом — больной сифилисом. Неиспугавшихся «трамваили». Других брали силой и побоями».

Такой была советская действительность за колючей проволокой.

Ирина Калина родилась в Данциге, где ее отец переменял карьеру врача на должность советского консула. Потом работал в МИДе. В злые тридцатые годы отец был арестован и умер в тюрьме до окончания «следствия». В 1990 г. министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварнадзе преподнес Ирине Калине цветы во время открытия в здании МИДа мемориальной доски с именами репрессированных дипломатов. От имени родственников погибших выступила Ирина. И так всегда: красота и обаяние этой женщины выдвигали ее в центр внимания, ей доверяли свои секреты, делились радостями и печалью, делали пакости.

Советские мещане (впрочем, как и немецкие) говорили, что не знали о том, что происходило в лагерях. Но когда в апреле 1953 года Ирина вернулась из лагеря, соседи по коммунальной квартире проявили поразительную осведомленность о «людях с горячим сердцем и холодным умом». Обстановка в первые же дни возвращения накалилась настолько, что 25-ти летняя Ирина вынуждена была пойти в женскую консультацию и взять справку о том, что она девственница. Это соседей успокоило. Вот вам еще одна «занимательная» страница советской цивилизации.

Я не спрашивал у Ирины Игнатьевны, соответствовала ли справка действительности. Возможно, врач пожалела Ирину,

может быть, получила взятку. Кто знает? Да и какое это имеет значение, ведь Ирина в лагерь пошла не по своей воле.

Учебу в институте им. Сурикова в Москве после освобождения продолжить не удалось — судимых и детей «врагов народа» туда не брали, ибо сталинский дух продолжал царствовать. Но в ленинградское «Мухинское» училище Ирину приняли. Так Ирина Калина стала художником-прикладником.

Свобода подарила Ирине много радости. Она влюблялась и была любима. Хотела и умела наслаждаться жизнью. Ирина гордилась, что как женщина, художница и модель прожила много счастливых лет. Но детей у нее, увы, не было.

Когда в 1957 году в СССР запустили спутник, то ликующий советский народ на фотографии ТАСС во всех газетах представляла Ирина Калина. Потом она снималась в телефильме «Аэлита». Активно работала в дизайне детских игр. С осени 1988 года активно участвовала в мероприятия историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал».

В конце 1980-х — начале 1992 года на стенах ее квартиры не было ни своих, ни премировских работ. Первый раз Ирина Калина пригласила меня к себе домой, когда я во время учредительной конференции общества «Мемориал» в ДК МАИ в январе 1990 года, попросил ее дать мне интервью. В своей квартире она вынула из шкафа и показала собственные работы — несколько детских игр, которые разработала на службе. Тогда же она подарила мне несколько дубликатов семейных фотографий и копий документов, несколько из которых я использовал в газетной публикации в казахстанском еженедельнике «Горизонт» в феврале 1990-го года. Последний раз я был у Ирины Калины в мае 1992 года перед отлетом в США. Тогда она достала из шкафа небольшие работы лагерного периода Льва Премирова. Несколько его работ и своих фотографий Ирина Калина подарила мне.

30 октября 1990 года, в «День памяти жертв политических репрессий» Московский фонд «Мемориал» установил на тогдашней площади имени Ф. Дзержинского (ныне Лубянская пл.)

памятник жертвам Гулага — большой камень, привезенный из Соловков. Каждый год осенью в «День памяти», около камня из Соловков читают имена погибших политзаключенных. И каждый год среди бывших политэков и детей политзаключенных стояла бывшая политзэчка Ирина Калина с портретом отца — Игнатия Калины, замученного в НКВДэшных застенках.

Ирина Калина любила зайти в кафе около станции метро «Лубянская» (в советское время «Дзержинская») с видом на «Гос. Ужас» — здание КГБ (ныне ФСБ) на Лубянке, где ее допрашивали после ареста. Смотрела на проходящую мимо нее молодежь и радовалась, что они миновали ее несчастья.

«ДЕТСКИЙ» СРОК*

Ну, какой товар привезли?» — спросил покупатель на Бутырском вокзале, рассматривая по статьям семнадцатилетнюю Иру Калину.

А. Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ»

Первая наша встреча с героиней эпизода «Архипелага» на одной из конференций Всесоюзного историко-просветительского общества «Мемориал» в начале 1990-х была, как потом оказалось, не последней. Ирина Игнатьевна Калина — женщина, отсидевшая в сталинских лагерях «детский срок» по вполне взрослой статье 58–10,11, — пригласила меня в гости. В одну из следующих поездок в Москву мы встретились у нее дома,

* «Детский» срок: лит. запись С. Мельника // Политические репрессии в Ставрополе-на-Волге в 1920–1950-е годы: Чтобы помнили... — Тольятти: Центр информ. технологий, 2005. — С. 121–125.

<http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=3735>

в маленькой однокомнатной квартирке недалеко от Арбата. Накануне во Дворце молодежи прошла выставка работ репрессированных; там были и поделки, выполненные в тюрьме ее мамой.

Ирина Игнатьевна не знает, кто рассказал ее историю Солженицыну, — но все правда. Кроме разве что возраста: ей было не семнадцать, а двадцать один. Впрочем, ошибиться было нетрудно: стройная, миниатюрная, как говорят о таких женщинах, она и к семидесяти годам сохранила следы былой красоты. По словам Ирины Игнатьевны, самая большая трагедия для нее была не в том, что ее «прогнали по сталинской каторге», а в том, что она была еще очень юной.

Ее полное имя — Зора-Ирина. Так в паспорте. Так причудливо нарекли ее родители. Отец — из интеллигентной польской семьи. 19-летним вступил в рабоче-крестьянское движение, дважды был в царской ссылке, бежал. В Швейцарии, в эмиграции получил степень доктора медицины. После октября семнадцатого он — генеральный консул в вольном городе Данциге.

— Папа умер в ранге министра иностранных дел Белоруссии, — рассказывает Ирина Игнатьевна. — Человек сильный, волевой, в тюрьме он не подписал ни одного протокола допроса. Его заморозили в ледяном карцере. Он умер, не будучи осужденным.

Ира Калина вначале оказалась в ГУЛАГе в Лефортовской тюрьме. В 1949-м ее взяли с первого курса института. Полураздетую посадили в карцер, холодный и черный каменный мешок.

В одной из камер кричала и билась головой о стену женщина: «Не хочу больше жить!» В соседней стучал в кормушку и кричал мужчина, и дежурный офицер вразумлял его: «Как вам не стыдно: рядом с вами полуребенок, смотрите, как она это переносит». Чтобы не сойти с ума, полуребенок вспоминал один за другим номера телефонов своих знакомых.

Именно здесь, в Лефортово, а потом на этапе, в пересылке, и наконец, в Степлаг, где в итоге оказалась, она поняла:

в ГУЛАГе нет кулис, здесь не укрыться, и прежде всего — от самой себя. Поняла, какой у нее характер, генетический код, неистребимая фамильная гордость.

Они с сестрой росли детьми «врага народа». Их мама — мудрая женщина, из дворян, а посему очень неприспособленный к жизни человек, не смогла уберечь от тюрьмы ни себя, ни Ирину. Впрочем, кто был приспособлен в ту эпоху к жизни? Скорее, к смерти...

«Вы должны ненавидеть Советскую власть, — убеждал ее следователь. — Я выброшу вас раз и навсегда за борт социалистического общества»... Общества, «на борту» которого так и не попала ни она, ни ее сверстницы. Но у нее было преимущество: она могла сравнивать — детство в вольном Данциге и юность здесь, «на борту». По воспоминаниям Ирины Игнатьевны, им, как членам семьи дипломата, полагался особняк, дача, ложа в театре, машина. Однажды в дождь мама послала за ними в школу машину, но, не сговариваясь, они с сестрой бросились в разные стороны: застеснялись. Эмма Байдукова, дочь легендарного летчика, привилегий не стеснялась: «она была воспитана в СССР»...

Задача перевоспитания Иры Калины была возложена на ведомство, представители которого, как известно, обладали «холодной головой и горячим сердцем». Она до сих пор вспоминает, как в одну из ночей ее, лагерный номер СХ-365, привели к начальнику лагеря... «Наутро меня вызвали несколько чинов МВД, велели лечь в гинекологическое кресло, осмотрели и вынесли вердикт: «Можете идти, вы девственны», — так, погулаговски, заботились о «цветах будущего». За отказ стать наложницей начальника лагеря ее бросили в штрафную бригаду к некоей Юлии Радченко, жестокой и злой женщине. Она была из тех заключенных, кому доверили ходить в подпасах лагерных «пастырей», и, держась за место. Радченко выжимала из рабов 2–3 нормы.

Хрупкая, истощенная, с дистрофией первой степени от постоянного сидения на штрафном пайке в БУРе (бараке усилен-

ного режима), Калина проштрафилась и здесь: загнав в цементно-мерзлую землю отбойный молот, она не смогла его вытащить. За «отказ от работы» Ирину избили и выставили на мороз...

В Степлаге не было «жердочек», как на Соловках. Зато были «комарики». И были жуткие, впивающиеся в запястья американские наручники — если не снять их вовремя, руки синеют и отекают. К счастью, до этого не доходило. Руки берегли, ведь ими подневольные женщины строили дамбу: добывали камень в каменоломне, разбивали его, рыли землю, бетонировали котлован. Город Балхаш построен их руками... Наверное, это про таких, как они, Платонов устами героя «Котлована» размышлял: «Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет?»

— Там нет кулис. Там не укрыться. Кто-то, может, считал за счастье быть наложницей. Или стукачкой. И за это остаться в зоне, чистить уборные, или работать в прачечной, дневалить. Я мечтала остаться в зоне, не находиться каждый день от зари до темна в котловане, когда тебя ведут, как быдло, не слышать: «Шаг влево...» Да, хотелось спастись, но не такой же ценой!

|| *«Разговор с женщиной в тюрьме — он совсем особенный. В нем благородное что-то, даже если говорить о статьях и сроках».*
(А. Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ»)

И все же, как о ней узнал Солженицын? Ирина Игнатьевна теряется в догадках. В ходе разговора мы вместе выстроили гипотезу.

«Это было на Куйбышевской пересылке, в 1950 году, — читаем в «Архипелаге». — Пересылка располагалась в низине (из которой, однако, видны жигулевские ворота Волги), а сразу над ней, обмыкая ее с востока, шел высокий, долгий травяной холм... И вот как-то летним пасмурным днем на круче появилась городская женщина... Я думаю, что статуя такой

женщины... могла бы хоть немного что-то объяснить нашим внукам».

По воспоминаниям Ирины Калины, когда в Куйбышеве, на пересылке, гнали их колонну, толпа безликих серых людей в бушлатах искала среди арестантов своих близких. Толпа шла мимо толпы. Ира выделялась из движущейся массы своим городским видом... Вдруг ее словно хлыстом ударили: «Люди думают, что я проститутка!»

Белая, чистая ворона в стае!..

Нет, неправда, говорит она, что горе людей объединяет. Те, у кого был срок в четверть века, завидовали таким, как она (дескать, что такое 5 лет?!). Завидовали, что интеллигентная, гордая. Тому, что даже в самые тяжелые времена не опустилась, не завязала по-старушечьи платок. Тому, что не как все, и хотя вынуждена вровень со всеми нести крест, ближе прочих к свободе. Потому что воспитана свободной.

В апреле 1953-го Иру Калину застала амнистия. Это была та самая амнистия — щедрой рукой любвеобильного Берии брошенная жалкой горстке из сонма политических обитателей Архипелага. Из их лагеря освободили лишь двоих.

«Черный ворон» — заключенная, которая водила женщин по вызову к оперуполномоченному, сказала белой вороне перед выходом: «Ира, я тебя уважаю, и ты знаешь, за что»...

Освобождение было тяжелым. Когда открыли ворота, женщины, оставшиеся в лагере, так плакали и кричали, что свобода, к которой она рвалась, показалась девушке в тягость.

Как у Ольги Берггольц, хотя и написано по другому поводу:

*...А те, что вырвались случайно,
Осуждены еще страшней
На малодушное молчанье,
На недоверие друзей.
И молча, только втайне плача,
Зачем-то жили мы опять, —*

Затем, что не могли иначе

Ни жить, ни плакать, ни дышать.

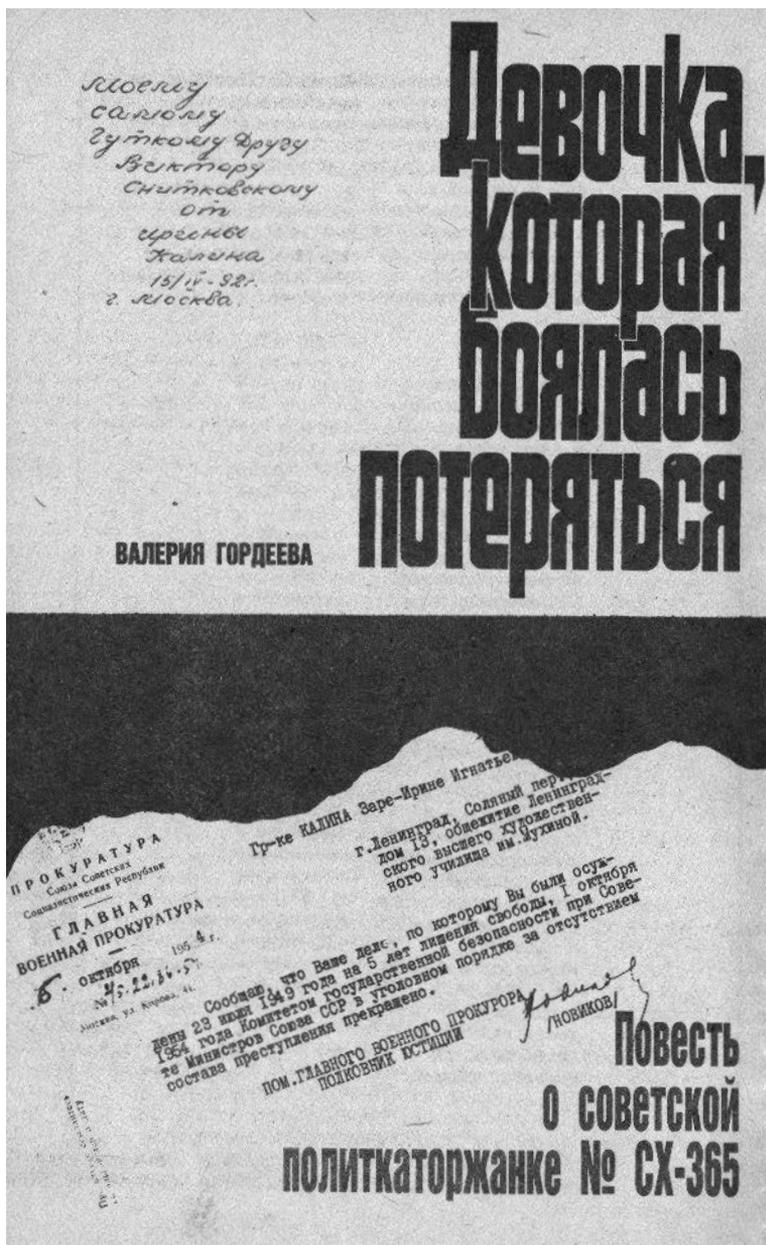
Ирина «жила в ногу со своей страной». Правда, путь ее не был устелен цветами. Все эти годы она рисовала, нашла себя, как бы сказали сейчас, в промышленном дизайне, получила признание.

— Очень люблю свою работу. Может, поэтому не сломалась... Знаете, быть просто свободным — это такое счастье! Вы этого не понимаете и, слава Богу. Меня не страшит ни голод, ни лишения. Все это я испытала. Но нет ничего страшнее произвола, от которого ты не защищен...

Ирину Игнатьевну пугают рецидивы прошлого. Она вспоминает, как в Доме художника на Крымской проходило обсуждение фильма «Сталинист Иванов», снятого в конце восьмидесятых Куйбышевской студией кинохроники.

— Правда, он ваш, тольяттинский? — спросила она. — Фильм сделан прекрасно. Он убедителен. Не пройди я все это сама, фильм мог бы меня убедить. Представляете, как верит Иванову молодежь? Знаете, у сталинизма глубокие и ползучие корни. Многие сталинисты были палачами, и сегодня они делают все, чтобы правда об ужасах ГУЛАГа не просачивалась в массы. Но у молодежи чистые сердца. Однажды, когда в ДК МЭЛЗ проходила Неделя совести, в толпе бродили люди и бросали как бы невзначай: «Зачем вы слушаете этих маразматиков?» А молодые ребята и девчонки, которым я рассказывала о судьбе своей семьи, плакали вместе со мной и гладили меня по щекам... Трудно пройти этот путь. Но перед смертью я могу поцеловать себе руки.

...И я целовал ей руки. Руки, не осилившие подневольный отбойный молот. Руки, сделавшие в этой жизни столько добра. Святые руки.

журнал «Смена» 1992 г., № 2-3, стр. 162-199

«Ну, какой товар привезли?» — спросил покупатель... увидев и рассматривая по статьям семнадцатилетнюю Иру Калину... Купцы добросовестные требовали прогнать перед ними товар живьем и гольем... (офицеры ведь серьезно выбирали наложниц для себя и своего окружения)».

А. СОЛЖЕНИЦЫН.
«Архипелаг ГУЛАГ».

163

Она все-таки «потерялась». С помощью чекистов. И вместо Москвы оказалась в Казахстане — в Степлаге, в Прибалхашье. Сколько же то конкретное упоминание Ирины Игнатьевны Калины опальным Солженицыным принесло ей, уже на свободе, неприятностей в долгие годы, когда «Архипелаг» был под запретом!

...Очень часто теперь она приходит в гастроном № 40, что на Кузнецком мосту, 19, и, стоя за столом в маленьком кафе-закутке, совершенно забыв про булочку и кофе, вглядывается в огромное окно, как в киноэкран, провожая взглядом прохожих. Но особенно — независимых, раскованных, ничего не боящихся юношей и девушек, которые знать не знают, как им повезло!

Журнальный вариант.

История: попытка понять

Потом долго всматривается в дом-крепость, во дворе которого — та страшная внутренняя Лубянская тюрьма, куда ее, недавнюю студентку, привезли ранним апрельским утром сорок девятого года. Вот как все это было...

Сон первый: перед арестом

— Кто?

Ира спросила просто так, по инерции, прекрасно зная, к т о стоял по ту сторону двери: видела из окна кухни, как мужчины в военном шли по двору к черному ходу, наверное, за понятыми. И безошибочно почувствовала: это — к ней. Ну и хорошо! Наконец-то! Уже почти всех из их компании забрали, а она — на свободе. И что ребята о ней подумают? Может, еще за провокатора примут?

— Проверка документов, — услышала спокойный ответ на свой вопрос. — Откройте!

Она открыла. Вошли трое: молодые, неприметные, в шинелях. И женщина с растерянным лицом. Где-то Ира видела ее... Ах, да, это же их дворник! «Круглова А. П.», как будет значиться вскоре в документах.

— Кто вы? — спросил один из военных.

— Я — Калина Зора-Ирина Игнатьевна, — девушка механически произнесла свое двойное имя, прозвучавшее в послевоенной московской коммуналке так же нелепо, как прозвучало бы, скажем: «Мария Антуанетта, королева Франции».

Намудрили родители в вольном городе Данциге, когда двадцать один год назад в семье Генерального консула Советского Союза Игнатия Петровича Калины эта девочка появилась на свет! Мама потом смущенно объясняла, что если у человека два имени, то и жизнью должно быть по крайней мере две: не ту, так эту проживешь. Но, похоже, у Иры и с одной не слишком получается.

— Вы-то нам и нужны... — Один из военных явно обрадовался. — Вот ордер на арест.

...Сорок лет спустя в Приемной КГБ на Кузнецком мосту, 22, я держала в руках этот ордер из группового «Дела № 2085», по которому проходило шесть юношей и одна девушка. Поэтому смогла потом рассказать Ирине Игнатьевне, кто санкционировал ее арест и кто на исходе весеннего дня девятого апреля сорок девятого года незваным ворвался в ее жилище.

Так, очень солидно, выглядел лист плотной глянцевой бумаги, заполненной чужим писарским почерком фиолетовыми чернилами (орфографию и стиль сохраняю во всех документах):

«СССР

Министерство Государственной безопасности

Ордер № 706

Выдан капитану Копцову Н. Ф. и капитану Моисееву П. М.

на производство: Ареста и обыска

КАЛИНА Зоры-Ирины Игнатьевны:

Москва, ул. Чкалова, д. 14/16, кв. 64

Министр Государственной Безопасности Союза ССР»...

Ордер — «за» Абакумова — подписал Серов. Черным карандашом. Санкционировал арест заместитель Генерального прокурора СССР гене-

рал-лейтенант юстиции Вавилов. Неплохой уровень для тунейдки? Точнее — для «плесени», как тогда говорили?

Сделали чекисты из обычного, нормального человека АС или СОЗ (антисоветский или социально опасный элемент) быстро, профессионально, не встретив, естественно, на своем пути никаких препятствий. Сначала Иру отчислили из Московского института декоративно-прикладного искусства, руководимого знаменитым Дейнекой, якобы за неуплату: в те годы учеба в вузе стоила денег... Потом велели уволить с завода малолитражных автомобилей, куда она устроилась художницей...

И все! И бери подозрительную девицу голыми руками! Что и было совершено в ночь с девятого на десятое апреля. Хотя нет. Еще раньше. Когда выдвигали на допросах из арестованных уже мальчишек «показания на нее», и без того зная все нехитрые подробности от современного Азефа, действовавшего под именем «Андрей Белов» и внедренного в группу юных московских интеллектуалов, интересующихся литературой, музыкой, историей... Когда, мучительно подбирая слова и с трудом их согласовывая, сочиняли очередной очерковой олус...

«Постановление

(на арест)

Гор. Москва, 1949 года, апреля «8» дня. Я, заместитель начальника 4 отделения 3 отдела 5 Управления МГБ СССР майор Мухин, рассмотрев поступившие в МГБ СССР материалы о преступной деятельности Калины Зоры-Ирины Игнатьевны, 1928 г. рождения, уроженки г. Данцига, русской, гражданки СССР, дочери репрессированного,

НАШЕЛ:

Калина, являясь участницей антисоветской группы из числа молодежи, предоставляла (!— В. Г.) свою квартиру (это — комнату в коммуналке, где жили три человека.— В. Г.) для нелегальных сборищ. Совместно со своими единомышленниками возводила клеветнические измышления на советскую действительность. ...На основании изложенного

ПОСТАНОВИЛ:

Калину Зору-Ирину Игнатьевну подвергнуть аресту и обыску»...

Восьмого апреля кто-то — вероятно, тот же Серов — «утвердил» этот документ «за» Абакумова. Девятого «Постановление» было «санкционировано» тем же замом Генерального прокурора.

Мухин оформляет и «ПОСТАНОВЛЕНИЕ (об избрании меры пресечения)»: «Я, Мухин, НАШЕЛ»: И тут же: «ПОСТАНОВИЛ: мерой пресечения способствовать уклонению от следствия и суда Калины И. И. избрать содержание под стражей».

Документ завизирован начальником 6 отдела 5 Управления МГБ СССР полковником Шумаковым и начальником 5 Управления полковником Волковым. Со всем «согласился» начальник третьего отдела 5 Управления полковник Агаянц.

Майор и три полковника очень боялись, что Ирина Калина, «дочь репрессированного», как было подчеркнуто в «Постановлении на арест», знает какие-то «способы уклонения от следствия и суда» и может ускользнуть из рук всемогущего Министерства, воспользовавшись ими. Поэтому пусть лучше сидит в тюрьме: так будет спокойнее!

— А где ваши родители? — удивился кто-то из капитанов: третий военный, видно, был на подхвате.— Десятый час уже!

— Отца у меня нет. А мама с сестрой приглашены на обед,— светски

прозвучало в ответ. Только без уточнения: в каком именно посольстве проходит торжество.

Капитаны вполголоса о чем-то посоветались и изрекли:

— Садитесь на диван. Будем ждать мать.

Они устроились у стола. Молчаливая дворничиха сжалась в уголке. И тут в коридоре раздался телефонный звонок.

— Подойдите, — встрепенулся кто-то из двоих, основных, показывая Ире глазами на аппарат, висевший на стене.

Звонил Олег Гер, студент архитектурного института, Ирин жених: недавно, в знак обручения, он надел на ее палец тоненькое золотое колечко с веточкой и двумя маленькими рубинчиками. Может, специально выискал для нее олицетворение алых ягодок калины из жизнестойкого семейства жимолостных?

— Ирусик, можно я сейчас приеду?

Тактичный Олег никогда не звонил так поздно, и вдруг... Ира невольно повторила вслух его вопрос и посмотрела через открытую дверь на мужчин. Оба главных в унисон кивнули: пусть, мол, едет. И Олег очень быстро явился.

— Что у вас есть из вещей Ирины Калины? — сразу же огорошили его нетактичным, как посчитала Ира, вопросом. Юноша молча вынул из кармана письма невесты, ее фотографии и положил на стол перед офицерами.

— Хорошо. А теперь устраивайтесь на диване и не разговаривайте друг с другом, — сказали Олегу, и он, не глядя на Иру, присел в противоположном его углу.

Повисла неестественная, какая-то вязкая тишина. И вдруг Ира заметила, что «гости», как замороженные, смотрят на ее колени, обтянутые черными сатиновыми брючками, которые сшила мама-рукодельница. Оказывается, они крупно дрожали, а Ира не замечала. Непроницаемое, спокойное лицо. Прямая, гордая спина. И... трясущиеся колени. Какой стыд!

Ира, обхватив их руками, плотно сцепила пальцы и вскоре справилась с разгулявшимися внезапно нервами. Сказалось, наверно, многодневное ожидание ареста: ведь первого из них — Толю Бахтырева, их несравненного «Кузьму» (производное — от мудрого Козьмы Пруткова), книгочех и великого знатока Москвы, — забрали еще восемнадцатого декабря прошлого года. Почти четыре месяца назад! Потом, в январе, — сразу троих... Затем — еще одного, тоже в январе... А она — все на свободе...

Но в последние дни Ира уже четко знала: пора собираться. Сон был! В их семье вещи сны и всякая вроде бы мистика никогда бесследно не проходят. Приснилось ей, будто мчится она зимой вместе с мамой и Элькой в каком-то возке, запряженном лошаадьми. На крутом выраже те резко берут в сторону. Ира вылетает из саней и падает в сугроб. Мать же с сестрой, ничуть не пострадав, исчезают вдаль.

Чем иначе объяснить, что именно сегодня вечером, в ту минуту, когда трое военных пересекали двор, она специально подошла к кухонному окну и, встав на табурет, посмотрела вниз, все увидела и все поняла? Так однозначно, что, схватив альбом со своими детскими фотографиями, побежала в ванную и спрятала его в чье-то корыто, висевшее на стене? Почему-то именно это хотела сохранить...

Галина Алексеевна с Элей вернулись от родственников около одиннадцати. Дверь из комнаты в коридор была открыта, и Ира видела

в зеркале у входа, как побледнела мама, заметив на вешалке военные шинели. Входила она в свою комнату уже совершенно спокойной.

— В чем дело, товарищи?

И кто-то из капитанов, заметно смутившись, без всякого апломба ответил красивой женщине, перед которой млели многие мужчины из этого номенклатурного дома, набитого знаменитостями — летчиками и артистами, генералами и учеными:

— Мы пришли арестовать вашу дочь, — ему явно было не по себе.

Уже поздно ночью начался обыск. Но оказался он необременительным для офицеров. Шкаф... Буфет... Какая-то тумбочка... Бедность — редкостная даже для тех лет! Но бумаг, фотографий, всякой личной мелочи у Иры было много. Так что пришлось повозиться, все тщательно переписывая.

А вот под пунктом 11 шла необычная вещь: «Пластинка патефонная заграничная, металлическая, малая — 1 шт.». Под пунктом 13 — «Визитная карточка на иностранном (!— В. Г.) языке». Пункт 14 — «Открытка на иностранном языке». Все это значится в «Деле» под грифом: «Изъято для доставления в МГБ СССР».

Трудно ждать от человека, очутившегося в экстремальной ситуации, логики поведения. Но я все думаю о том, почему Ира спрятала в чужом корыте обычный альбом с фотографиями, а не ту металлическую пластинку, которую отец записал для дочерей и где звучал его живой голос: «Элька! Беби!»? Так звали в семье Иру. Зору-Ирину. А еще ее называли Ирэн, Рена. Не было нормального дня рождения — родилась она на Касьянов день, в високосный год, — зато было много имен.

— Да, обидно... Ведь все, что «изъяли» в ту ночь, — вскоре сожгли. Потому что Иван Кононов, следователь Ирины, сделал следующий безапелляционный вывод: «...Вышеперечисленные материалы значения для следствия не имеют и ценностей собой не представляют (разрядка моя. — В. Г.) и подлежат уничтожению. — Ст. следователь следотдела 5 Управления МГБ СССР подполковник Кононов».

Его поддержал, начертав «согласен», «нач. отделения следотдела 5 Управления» подполковник Круковский. «Утвердил» эту «кремацию» начальник 6 отдела 5 Управления Шумаков. А жгли тридцатого мая Кононов и майор Макаренко, тоже старший следователь.

Представляю, как трудно и мучительно плавилась диковинная для того времени металлическая пластинка с голосом Игнатия Петровича... Как страдал он — на этот раз от жаркого пламени, уже убитый однажды нашими отважными чекистами, но иначе: замороженный в карцере-леднике, не доживший ни до суда, ни до приговора... (Его узнавали в Минской тюрьме по жуткому кашлю, вырывавшемуся из отечных легких. Значит, снова повели на допрос Калину.)

Но вернусь все же из тридцать восьмого года в сорок девятый. Из Минска в Москву, на улицу Чкалова, в дом № 14/16, в квартиру № 64. Оба капитана и после обыска продолжали пребывать в некоторой растерянности: им было предписано наложить арест на имущество Ирины, но... Пришлось составлять не совсем обычный документ:

«Нач. оперативного отделения
5 Управления МГБ СССР полковнику
тов. Щепилову
оперуполномоченного того же отделения
капитана Моисеева

Репорт

Арест на имущество арестованной по ордеру МГБ СССР Калины Зоры-Ирины Игнатьевны..., по адресу... не наложен ввиду того, что арестованная все личные вещи взяла с собой..., а имевшееся одно старое платье и блузка оставлены матери. Арестованная проживала в одной комнате с матерью и сестрой.— Моисеев. 10 апреля 1949 г.»

Целую дочь при расставании, Галина Алексеевна шепнула ей:

— Говори только правду, и тебя отпустят...

Собственный тюремный опыт кое-что ей подсказывал. Но тут она ошибалась. Откуда эта женщина брала силы на третий арест в своей семье? На то, чтобы ни слезинки не уронить при посторонних? Неужели такое мужество дает долго презиравшаяся и преследовавшаяся у нас дворянская кровь? Тем более близкая роду Арсеньевых, из которых — бабушка космического Мишеля Лермонтова? И Ира, всегда старавшаяся походить на мать, не заплакала, не унизилась во время ареста: ни словом, ни жестом.

А вот соседка,— пожилая женщина Любовь Николаевна Климова, которую все называли просто Любашей, отчаянный человек! — не думала ни о гордости, ни о достоинстве: ей на это было наплевать. Когда Иру вводили, она бесстрашно вышла в коридор и начала стыдить офицеров:

— Как вы можете арестовывать ребенка?

Ира была худенькой, хрупкой и выглядела намного моложе своих лет. Голубые глаза... Копна пышных пепельных волос... Типичная Лорелея! Только по-советски изможденная. Такая не могла родиться ни на юге, ни на востоке — только в Данциге или в другом подобном городе. Не зря, наверное, эск Солженицын принял Иру за семнадцатилетнюю. Позже он так и написал в своем «Архипелаге»: «Семнадцатилетняя Ирина Калина»...

168

Зато соседка внизу, в отличие от Любаши, вышла на лестничную площадку в семь утра совсем с другой целью, изображая, что тщательно чистит ботинки.

— Ой, Реночка, ты так рано гулять идешь? — спросила сладким фальшивым голосом девушку, спускавшуюся (отчего-то не на лифте, но так решили «спутники») в окружении мужчин в шинелях. И самой, видно, было интересно поглядеть на чужое горе, и поручили, возможно, этак случайно попасться на дороге. А вдруг отчаянная девица вздумает побегать? Будет тогда свидетельница.

Уже садясь в легковушку, Ира попросила сопровождающих:

— Передайте, пожалуйста, Олегу, что я очень его люблю.

— Обязательно передадим,— серьезно заверили ее, и машина тронулась.

...Олег собирался стать архитектором. Но был он удивительно музыкален: наверное, в отца-скрипача. Прекрасно играл на рояле, читал ноты «с листа», отлично знал и понимал музыку. До чего им хорошо было вместе в консерватории, куда они бегали на каждый концерт!

А как Олег трогательно ухаживал за Ирой... Как, встав на колено, не стесняясь чопорной консерваторской публики, снимал с ее ног ботинки на кнопочках и надевал туфельки... Как жаждал их совместной поездки в родную Кострому, чтобы представить невесту родителям, которым он уже написал...

Все время их знакомства Олег был безупречен: интеллигентный юноша из интеллигентной семьи. Его не смущала вопиющая бедность

Иры и ее близких, особенно заметная на фоне элиты, населяющей известный дом на улице Чкалова. Не смущало то, что кое-кого из знакомых ребят арестовали. Это, конечно же, какая-то нелепость: разберутся и выпустят! Ну что страшного в том, если вполне приличная молодежь иногда собиралась у того, у кого было посвободнее, и слушала «доклады» друг друга?

...Кто-то рассказывал о Тициане... Кто-то — о скульпторе Коненкове, о монументальной живописи... Ира, например, сделала сообщение об Озирисе, о древнеегипетском боге умирающей и воскресающей природы, показала слайды, взятые в институте... Кто-то читал Блока, Маяковского, свои собственные стихи...

Если был инструмент, Олег играл Чайковского, Листа, Шопена, «Песню Сольвейг» Грига, рассказывал о композиторах... А Ушаков отгрохал доклад «О воспитании детей», хотя ни у кого из слушателей не было не только детей, но и вообще семьи...

Только настрадавшаяся уже Галина Алексеевна нервничала, пренебрежительно называла эти вечера «ассамблеями», что раздражало Иру, и даже как-то заговорила о возможности арестов, что дочь просто рассмешило. Да они же не занимаются политикой! Их интересует совсем другое!

И вот начали сбываться тяжелые предчувствия Галины Алексеевны. Но пока Ира и Олег были на свободе, они никак не могли поверить в серьезность ситуации. Только в ее нелепость, ошибочность. В то, что правда обязательно восторжествует.

Накануне Ириного ареста девушка попросила жениха, снимавшего в Москве комнату, помочь ей сделать стенгазету ко дню рождения Ленина. Целый вечер оба корпели у Олега над огромным листом ватмана, в центре которого был Мавзолей, нанося на него, слой за слоем, сепию: светло-коричневую краску, добываемую из морских моллюсков, из той самой каракатицы, которая «задом пятится». И с каждым разом цвет становился все глубже, глубже... В «мраморе» появлялись блеск, переливы... Этот метод, которым Олег владел в совершенстве, у архитекторов называется «отмывкой».

В тот вечер Ира не заметила в женихе ничего особенного. Высокий, изысканный, темно-русый и сероглазый — ей всегда нравился такой тип мужчин (в сегодняшнем варианте — молодой Костолевский, в очках) — Олег был, как всегда, предупредителен. Но почему-то несколько раз вслух горестно произнес:

— Что будет со мной, если тебя, Ирусенька, арестуют? Я ведь только обрел тебя! И так тебя люблю!..

Это потом, позже, Ира вдруг сообразит, что Олег говорил не о том, что станет с ней, когда ее схватят и уведут в неволю, а о том, что будет с ним, каково будет именно ему. Но восьмого апреля, когда оказывается, уже было подписано «Постановление» на ее арест, Ира не придала словам Олега, их истинному смыслу особого значения. Как и тому странному — почти ночному — его визиту к ним, на Чкалова, с запасливо прихваченными с собой ее письмами и фотографиями.

Ирина Игнатьевна не хочет произносить вслух слово «предательство»: нет вроде прямых улик. Да и трудно ей такое сказать! Мне легче: я — человек сторонний. И именно поэтому, «со стороны», не могу уповать на стечение обстоятельств в то далекое время, на какую-то случайность: слишком все очевидно.

И то, что Олега не арестовали... (А Ира в боксах, где слышимость была лучше, чем в камерах, все напевала начало «Первого концерта» Чайковского в надежде, что жених услышит этот «позывной» и как-то откликнется... Не откликнулся.) И то, что родители немедленно увезли его в Кострому и закинули в больницу: «тяжелобольных» сложнее трогать... И то, что мгновенно женили на кухне: вскоре на свет появились двое малышей... И то, что Олег не написал Ире за все годы заключения ни одного слова... О посылках и говорить нечего, хотя девушка буквально доходила от непосильного труда и дистрофии! А ведь семья его была состоятельной...

Ни в коем случае нельзя утверждать, что на совести Олега Александровича Гера — молодежная «организация», лихо разгромленная и безжалостно искорененная из нашей послевоенной жизни гебистами. Это сделал совсем другой человек. Нельзя сказать и то, что Олег виновен в аресте своей невесты: ее и так арестовали бы, откажись он посодествовать чекистам.

Он виновен в другом: в том, что позволил себя запугать, сломать, распорядиться своей единственной жизнью по чужому усмотрению. Что не только не пошел с товарищами — и с невестой своей — на каторгу, но даже не стал ждать нареченную с этой каторги. Что между честью и бесчестьем очень быстро выбрал последнее. Короче, что вел себя не как Мужчина.

Такого, конечно, не украсит никакая «отмывка»: не углубит, не прибавит блеска. О таком даже в «Рапорте» капитана Моисеева сказано довольно холодно и равнодушно: там, где он докладывает «полковнику тов. Щепилову», что во время ареста «в квартиру пришел (! — В. Г.)... Гер Олег Александрович... студент архитектурного института... По окончании производства обыска в 7 ч. Гер был освобожден».

170

Сон второй: перед приговором

Судя по квитанциям, Иру привезли на Лубянку, во внутреннюю тюрьму. После всяких формальностей поместили в одиночку. И тут — о чудо! — открылась дверь и кто-то протянул девушке миску густой душистой солянки, которой заключенные не ели здесь отродясь: надзиратели явно оторвали от себя, узнав, что «доставили» такую юную, такую тоненькую. В общем, начали сбываться Элькины предсказания. Старшая сестра своеобразно пыталась утешить мать, когда Иру увели:

— Беби в тюрьме будет питаться лучше, чем мы!

На фоне их голодухи это было не сложно. Когда из трех вареных картофелин на троих одна обязательно оказывалась гнилой... Когда лишь в день зарплаты девочки получали «пирожные»: ломтик белого хлеба с маслом, посыпанный сахарным песком...

Работала одна Галина Алексеевна — ретушировала фотографии, расписывала ткани, делала на дому игрушки. Но сестры — и когда учились в школе, и когда уже в институте — регулярно ей помогали, получая строго определенные задания на каждый день. А если не успевали их выполнить, отменялось все остальное. В том числе и «ассамблеи».

В первые сутки, десятого апреля, Иру никто не вызывал. А одиннадцатого, после того как ее сфотографировали — профиль, анфас — и «дактилоскопировали в I отделении отдела «А» (архив. — В. Г.) МГБ

СССР», Иру привели на допрос к майору Кононову: тридцатого мая, когда он вместе с Макаренко жег документы, не представляющие, по его разумению, ценности, он был уже подполковником.

Допрос, как зарегистрировано в протоколе, начался в 23.45 и окончился в 03.00. Чтобы девочка сразу оценила, куда она попала, и поняла, что тут не курорт, что ночные бдения со спящей, до слез, лампой в лицо,— это типичное явление и лучше «не вылить», а «показывать правду». Тем более что «следствию все известно»...

А Ира и не вылила! На вопрос об отце она твердо заявила, что он не был осужден, а умер в тюрьме еще до суда: так, мол, ей говорила мама... Это Кононову очень не понравилось. Через какое-то время, уличая Иру во лжи, он предъявил ей бумагу, полученную из Минской тюрьмы и приобщенную им к «Делу», в которой говорилось, что Калина Игнатий Петрович расстрелян.

А у Галины Алексеевны хранится другая справка: о том, что муж умер в процессе следствия. То есть не был осужден и, таким образом, не нуждается ни в какой реабилитации, хотя он ее, конечно, имеет, как практически все «враги народа»...

На второй вопрос — знает ли Ира, за что арестована,— она ответила также прямо:

— Да. Однако заявляю следствию, что какой-либо организованной антисоветской деятельности я за собой не чувствую.

Это было одиннадцатого апреля. А девятнадцатого следователь уже оформляет «ПОСТАНОВЛЕНИЕ (о предъявлении обвинения): Я, ст. следователь майор Кононов, рассмотрев следственные материалы... и приняв во внимание, что... Калина достаточно изобличается (! — В. Г.) в том, что является участницей антисоветской группы из числа учащейся молодежи, предоставляя свою квартиру (! — В. Г.) для нелегальных сборищ участников группы и принимая непосредственное участие в этих сборищах, высказывая клеветнические измышления на Советскую действительность,

ПОСТАНОВИЛ: привлечь Калину Зору-Ирину Игнатьевну в качестве обвиняемой по ст. ст. 58—10, ч. 1, 58—11.— Кононов». Его поддерживает, подписывая документ, подполковник Круковский.

В этот же день, вернее поздний вечер, девятнадцатого апреля в протоколе допроса (он проходил с 22.00 до 04.20) впервые появляются «признательные» ирины показания с типично гебистскими терминами и лексикой: «сборища», «измышления клеветнического характера на Советскую действительность», в конце которых стоит совсем детская ее подпись.

Дальше — больше. Во время допроса двадцать седьмого апреля (22—04.00: в эти часы Кононов работал с особым вдохновением!) Ира полностью «раскальвается».

«...Участницей антисоветской группы из числа учащейся молодежи,— повторяет она, в протоколе за следвателем как завороченная,— я являюсь с весны 1948 года. ...Мы, наряду с чтением художественной литературы и обсуждением прочитанных произведений, подвергали антисоветской критике отдельные мероприятия, проводимые ВКП(б) и Советским правительством, высказывали клеветнические измышления на Советскую действительность». И везде называет себя первой. Пытается даже изобразить, что это именно она создала группу, или «организацию» (ст. 58—11.— В. Г.): так больше устраивало Кононова.

Как же ему удалось достичь подобного успеха в «работе» с Ирой, которая на первом допросе категорически «показала», что она ни к «организации», ни к «антисоветчине» никакого отношения не имеет? Начал он, правда, не слишком удачно:

— Вы должны ненавидеть советскую власть.

— Почему?

— Потому, что мы уничтожили вашего отца. Вы — те самые волчата, которые всегда будут смотреть в лес.

Поняв, что это не совсем та «педаля», начал жать на другую:

— Нормальная молодежь общается в школах, в институтах, а не собирается подпольно на частных квартирах. И потом: вы что — профессора, чтобы доклады делать? Это и есть антисоветская группа, организация! — втемяшивал он Ире, как и мальчикам, изо дня в день. — Дальше. Вы говорили, что не одобряете раздельного обучения в школе. Но ведь это — постановление Партии и Правительства! Значит, вы их критикуете. Значит, недовольны нашей действительностью.

Ира пыталась что-то объяснить Кононову, взывая к логике, к здравому смыслу. Ничего не помогало. От допроса к допросу он гнул свою линию, хотя — где-то, очень глубоко — в нем, возможно, теплились какие-то человеческие чувства. Однажды следователь подошел к Ире и задумчиво погладил ее по великолепным волосам. Потом, будто спохватившись, сказал:

— Или вы действительно такая наивная, или очень хитрая...

Он ни разу ее не ударил. Никогда не материл. Самые страшные его фразы были такие: «Я выброшу вас, раз и навсегда, за борт социалистического общества!» Или: «Гусь свинье не товарищ!»

172

Каждое утро, проснувшись, Ира и Нелли Левензон-Островская, соседка по камере, тоже «подопечная» Кононова, но, конечно, не из их компании, начинали по очереди так:

— Доброе утро!

— Доброе утро.

— Итак, вы, честная советская девушка, сидите в советской тюрьме?

— Да.

— Интересно, интересно...

Это они передразнивали «своего» Ивана. Но он был далеко не Иванушкой-дурачком, этот майор-подполковник Кононов! Он все-таки нашел главную болевую точку Иры. По-доброму глядя на девушку во время очередного ночного допроса, он, сочувственно покачивая головой, сообщал ей:

— И сегодня у меня были ваши мама с сестрой. Как же они плакали! Их слезами можно было вымыть весь мой кабинет...

И тут Ира, обведя глазами большую комнату, начинала в голос рыдать, а следователь, не теряя ни одной драгоценной минуты, требовать, чтобы она тут же «дала показания» на Эльку: что тоже посещала их «сборища». Но как Ира ни бывала расстроена, она неменно собиралась в кулак и полностью отрицала эти инсинуации.

Сестра действительно не бывала на их собраниях. Но, стоило бы Ире лишь раз поколебаться в своем ответе, «Иван» уж нашел бы, каким образом притянуть студентку полиграфического института к молодежной «антисоветской» группе...

До чего все-таки Ира и ее товарищи были наивны! Им вдолбили, что встречи дома — это преступление, и они поверили. Как и в то, что у них

была... организация. Целых четырнадцать человек-де туда входило! И вот семерых из них, самых вроде бы активных (а на самом же деле тех в первую голову, у которых были репрессированы родители. — В. Г.), арестовали.

А то, что настоящая организация должна иметь устав, программу с целями и задачами, оформленное по всем бюрократическим правилам членство, название, — это никого не волновало. Вернее, отсутствие этого. Ни Кононова, знавшего такие вещи лучше других, но молчавшего, ни ребят, которые почти все были старше Иры. А Феликс Карелин, ее давний поклонник, тот даже войну прошел и был вполне взрослым, двадцатичетырехлетним мужчиной. Именно его приемная мать, подруга Галины Алексеевны, тоже побывавшая в Минской тюрьме как жена «врага народа», отца Феликса, некогда сотрудника НКВД, узнавала по страшному кашлю Игнатия Петровича Калину...

Так Феликс этот сдался одним из первых, заявив ребятам на очных ставках: «Мы все виноваты и все должны отвечать за свою вину». Пламенный такой был... Чернокудрый... Блестяще декламировал Гумилева, перед которым преклонялся... А вел себя в «чрезвычайке» совсем иначе, чем любимый поэт!

Во время очной ставки Иры с Толей Бахтыревым Кононов вдруг тактично вышел из кабинета, оставив молодых людей одних. Он, конечно, все подслушивал, желая выведать как можно больше! А не узнав ничего нужного для следствия, разошелся и дал Толе карцер. Но это — потом. А пока Бахтырев опустился перед единственной в их незадачливой части сообществом девушкой на колени и стал целовать Ире руки:

— Как же ты, такая слабенькая, пройдешь через все? Ну мы, мужики, — уж ладно... А ты? Прости нас, Ирочка!

А за что их было прощать, бедолаг? Никто из них в общем-то не был перед нею виноват. Ну Феликс продемонстрировал явную слабость... Ну Олег катастрофически струсил... Но даже если бы этого не произошло, ареста ей все равно не избежать.

Об этом свидетельствовал тот, последний — можно сказать, прощальный — взгляд Андрея Белова, который Ира поймала на себе в консерватории, в зеркале, когда юноша подавал ей пальто: она с ним тоже ходила на концерты. В этом взгляде были и жалость, и грусть, но она тогда ничего не поняла. Все проанализировала гораздо позже!

...Ира познакомилась с Андреем довольно странно. Она купила Аллочке — именно так близкие называли Карелину — хлеб, но не могла занести его, так как зарядил ливень, а зонтика у девушки не было.

Аллочка сказала Ире, позвонившей из автомата, что к ней в метро подойдет молодой человек, в руках у него будет оранжевый томик Марка Твена. Так состоялась встреча со студентом литературного института Андреем Беловым, как он отрекомендовался. Впрочем, все и раньше, и позже — Аллочка, Галина Алексеевна — знали его только под этим именем.

Дружеские отношения между Ирой и Андреем завязались быстро и просто. Молодой человек был обходительным, начитанным, тоже очень любил музыку. А когда узнал, что Ире требуется помощь в русском языке и литературе, охотно стал с ней заниматься. И внешне он был интересен: этаким скандинав — высокий, светловолосый, светлоглазый. Одно в нем отталкивало: вроде бы надорванные уголки губ. Как

говорят в народе — «заеды». Но не проходящие. Такой постоянный авитаминоз...

Именно Белову принадлежала идея создания кружка молодежи, интересующейся искусством и литературой. Желаящих оказалось — хоть отбавляй! Так и сколотилась более или менее постоянная группа людей, которые очень много давали друг другу, которым вместе было всегда интересно.

Все шло бы нормально, если бы Андрей не переусердствовал, чем и насторожил Иру. То он рассказывал ей о погибшем отце-разведчике... То о брате-эмигранте, который может к нему заявиться; и что тогда делать?... То спрашивал Иру, не хочет ли она вернуться в Данциг, если бы ее позвали? Ведь по законам этого города она имеет право на гражданство, раз там родилась... И так далее.

Короче, Ира поняла, что Андрей ее прощупывает, провоцируя на откровенность. И с весьма определенными целями. Скорее не поняла, а почувствовала интуитивно. Ведь в ее жизни уже была подобная встреча, подобная ситуация! Правда, давно: когда она еще училась в ТХТУ — театрально-художественно-техническом училище, в которое поступила после семилетки. Ей тогда было пятнадцать лет.

...Иру вызвали не в основное здание, на Лубянке, а... в Политехнический музей, в какой-то кабинет. С ней говорил — туманно и вкрадчиво — молодой мужчина в штатском. Девочка долго ничего не понимала. А когда в конце концов сообразила, что ее вербуют в осведомители, что она должна будет доносить на свое ближайшее окружение, возмутилась и резко отказалась.

Ира была слишком мала и горда, чтобы испугаться, чтобы вспомнить, что она — дочь «врага народа»: тот самый волчонок, который всегда будет смотреть в лес. Она просто вспыхнула от унижения и сказала, что никогда не станет заниматься такими вещами. Мужчина с интересом посмотрел на нее и милостиво изрек:

— Что ж, невольить не будем...

Ира рассказала о возникших насчет Белова подозрениях товарищам. Те встревожились, решили не приглашать больше Андрея на свои вечера. Но, видно, уже поздно было. А Ира резко порвать с юношей не могла: он ведь по-прежнему добросовестно занимался с ней!

И вот последнее посещение консерватории, тот сочувственный взгляд, который она поймала в высоком торжественном зеркале... Видно, в последний миг Андрей потерял над собой контроль и ему стало жаль этого ягненка, приготовленного им для заклания... Не первая у него такая «группа», но поди ж ты — дрогнул!

Неизвестно, что бы еще взяла на себя Ира, умело оплетенная Кононовым, если бы не «прокурор по спецделам Прокуратуры Союза ССР Государственный советник юстиции 3 кл. Дорон», как записано в протоколах допросов от 19 мая 1949 г., от 3 и 13 июня.

...Первый раз он вызвал ее прямо в кабинет Кононова. А тому указал рукой на дверь:

— Выйди! — Вот так резко, на «ты»...

Потом взял стул, повернул, сел на него верхом, рядом с Ирой, и попросил все рассказать по порядку.

Сначала она была очень скованна: не верила его дружелюбному тону. Но потом, увидев, как прокурор соперничает ей, как огорчается, что она, поверив Кононову, признала себя участницей «антисоветской орга-

низации», стала более откровенной и искренней. Во время третьего свидания Дорон вынул чистый лист бумаги и вместе с Ирой стал прорабатывать каждый эпизод, оттачивать новые формулировки. Попутно он учил ее:

— Никогда не подписывайте то, в чем вы не уверены! Итак, фиксируем: «По характеру своего участия — не считает себя членом антисоветской группы»... «Не слышала высказываний идеалистического характера»...

А Ира и не знала, что Карелину, Красину, Шмаину приписаны слова про то, что «интуиция и самосозерцание» имеют решающее значение для «открытия основных законов, движущих миром!» Вряд ли в этом что-то понимал «Иван». Да и ребята не стали бы такое говорить: они другим увлекались! Сочинил это, конечно, кто-то из местных доморощенных философов, чтобы придать делу солидность.

— Итак: «Не помнит, чтобы в ее присутствии обсуждались какие-либо вопросы политического характера»...

Дорона без конца дергали по телефону. Он нехотя брал трубку и отрывисто отвечал на чьи-то вопросы:

— Десять. Двадцать пять. Пятнадцать.

Лишь позже Ира догадалась, что он диктовал кому-то сроки. А с ней вот, убедившись в полной ее невинности, опасной честности и детской незащитности, — столько возлился!

— Идем дальше: «Да, присутствовала при обсуждении философских вопросов, но при ней никогда не критиковалось марксистское учение»...

Так прокурор, по собственной инициативе, вытаскивал Иру из трясины, в которую ее загнал Кононов. (Может, тот в ответ, когда для Дорона наступили страшные дни, тоже приложил руку — теперь уже к его «Делу», — помня об унижении, об этом «Выйди!», об этом «ты»? Не стерпела душа!

Как и тогда, когда, вернувшись после своих тюрем, лагерей, после пыток, во время которых с него срывали ногти, Дорон дал пощечину Льву Шейнину прямо на партийном собрании, в прокуратуре. Видно, было, за что...

Вскоре Ира оказалась в страшном Лефортовском карцере. За что — она не знала: ей ничего не объяснили. Могла только гадать, чем не угодила своему следователю. То ли тем, что посмела заявить о том, что отец не был осужден, а значит, он не «враг народа»... То ли тем, что не «сдала» Эльку... А может, карцер все же за Дорона? Ведь он здорово насолил Кононову!

Короче, пришел за ней пожилой стражник, показавшийся ей тогда стариком, и велел собираться. А потом очень тихо произнес:

— Если у вас есть сахар, возьмите.

Она взяла с собой не только сахар, но и собачку, которую ей вылепила из черного хлеба Нелли. А Ира той — человекка. Когда они шли по гулким переходам, по сетчатым, словно в фантастическом цирке, ярусам, старик снова шепнул:

— Я не могу сказать, куда веду вас. Но, пока мы идем, съешьте весь сахар.

И Ира, недоумевая, сгрызла несколько кусочков, переданных мамой, которые она так берегла и растягивала, зажатых в правой ладони. В левой лежала собачка.

Наконец они куда-то пришли, и суровая молчаливая надзирательница

*Девятилетняя Ира
пока не знает,
что случится с ней
и ее близкими,
она еще счастлива...*

Ира — пятнадцать лет.

*«Марсианка» Ирина Калина,
недавняя политкаторжанка.*

178

стала раздевать девушку. Когда Ира осталась в одной короткой рубашке и тоненькой кофточке, женщина вдруг обратила внимание на ее плотно сжатый левый кулачок и стала его разжимать. А Ира ни за что не хотела отдавать собачку и крепко сцепила пальцы.

Но силы были все же неравными. Женщина сноровисто действовала двумя руками, и вскоре из ладошки Иры что-то выпало, глухо стукнувшись об пол. Надзирательница подняла черный комочек, рассмотрела его, и вдруг бесстрастное лицо ее преобразилось: по нему пробежали какие-то чувства, какие-то светлые тени:

— Ну, что же вы мне не сказали? — Горло женщины перехватило, и она сама вложила Ире в руку собачку.

А потом со скрежетом отворилась дверь, и девушку кто-то толкнул в черный проем. Тут же, с лязгом и грохотом, дверь закрылась, и Ира оказалась в крошечной тьме. Ни единого лучика! Где она? Есть ли тут кто-то еще? Чего ждать? Удара по голове? Ножа?

Вытянув вперед руки, Ира начала ошупывать воздух. Потом, наткнувшись на стены, пошла, шлепая босыми ногами по цементному полу, по периметру небольшой, как оказалось, камеры. По дороге наткнулась на металлический уголок в стыке стен, где ей предстояло сидеть, и на кровать из гольх прутьев, где могла лежать. Ни стола. Ни табуретки. Ни окна, из которого — пусть с решетками, с «намордниками», даже со ставнями — что-то просачивалось бы даже ночью.

Исчезло время. Исчезло ощущение реальности. Ужасный, все нарастающий холод сковал каждую клеточку тела. А страх вымораживал душу. Так мучили ее отца, застудив до смерти... Теперь взялись за дочь... Ира сидела на железном, обжигающем морозом уголке и, чтобы не сойти

с ума, твердила телефоны знакомых. Потом, когда почти падала, ложилась на ребристую ледяную кровать, безуспешно пытаясь натянуть, хотя бы на колени, куцую рубашонку.

Иногда открывалась кормушка, и ей давали холодную воду и ломтик хлеба. Через какое-то время принесли баланду. И снова — вода с хлебом. Господи, как же вкусен горячий суп с гнилыми лопухами капусты и рыбьими костями, которым кормили в камере!

Ее соседка, дочь двух «врагов народа», проходивших, как она рассказывала, по делу Якира и Тухачевского, была старше Иры. Даже воевала. Ее, студентку-медичку, вызвали на Лубянку и велели смыть на фронте семейный позор: тогда, дескать, не тронут. Что она и сделала. Но после войны все равно арестовали. У Нелли никого не было, а значит, не было и передач. И Ира всем, что у нее появлялось, делилась с ней, ничего не ела одна! Потом, в лагерях, она поняла, что так поступают далеко не все.

Девушка чувствовала, что погибает в карцере. Но у нее и в мыслях не было кого-то позвать, пожаловаться... Продемонстрировать свою слабость? Дать им насладиться властью над ней? Ну, уж нет! Где-то, совсем близко, кричала женщина и ритмично билась головой о стену:

— Я не хочу больше жить! Я не хочу больше жить!

Потом — видно, в соседней камере — стал громко стучать в железную дверь мужчина:

— Мне холодно! Выпустите меня — мне холодно!

И тут Ира услышала голос дежурного:

— Как же вам не стыдно... Рядом с вами — полуробенек, и так все переносит... А вы?..

Девушка не знала, сколько пробыла в карцере. Но когда наконец открылась дверь и ей сказали, что можно выйти, она сама этого сделать не сумела: пришлось вывести ее под руки. Нелли в камере уже не было, и Ира сразу же провалилась в сон. А потом открылась кормушка, и тот самый добрый «старик» протянул ей полную миску гречневой каши с маслом — явно свою еду: зков этим не кормили.

Иру все-таки многие жалели! Настолько она была юная, беззащитная. Ее иногда возили на допросы в другие места. И ни разу не было, чтобы конвоиры, как истые кавалеры, не подали бы ей руки, когда она должна была спрыгивать с довольно высоких ступенек «воронка».

...Однажды, поздно вечером, ее куда-то повезли. Но допрос все не начинался: видно, кто-то где-то задерживался. И тогда незнакомый молодой офицер, видя, что Ира просто валится от усталости со стула, снял с себя шинель и постелил на пол в небольшом боксе, где она сидела:

— Ложитесь, поспите. Если будет нужно, я вас разбужу, — военный вышел, заперев за собой дверь. И Ира рухнула на еще теплую от хозяина шинель (одну полу — под себя, другую — на себя, по-солдатски), тотчас уснув. В тот раз ее так и не вызвали, но офицер дал ей выспаться и лишь потом отправил назад, в Лефортово.

Следствие подходило к концу. Минуло немногим больше месяца со дня ареста Иры, как ей, по статье двести шестой, уже дали посмотреть явно сфабрикованное «Дело». Требовалось всего ничего: подпись девушки. И вот что восемнадцатого июня сорок девятого года написала Ирина Калина: «С материалами следствия в двух томах на 801 листе я ознакомилась путем личного чтения. В предъявленных обвинениях виновной себя не признаю».

Но все это не имело никакого значения, ибо судьба каждого была предрешена! Давно стало ясно, что Бахтырев — как руководитель — получит десять лет и особый лагерь. Что остальные ребята — по восемь. Что все дети «врагов народа» — «волчата» — тоже отправятся в особые лагеря: Карелин, Красин, Калина. А другие, даже ни в чем, ни разу не признавшийся Федоров, у которого отец — «бывший штабс-капитан Колчаковской армии», как отмечено в документах, основательно помтавший Кононова, — в обычный лагерь.

Еще в мае в «Дело» начали стекаться справки о состоянии здоровья подследственных под грифом «Секретно», а из Лефортово — «Сов. секретно». Вот как выглядит справка на Ирину Калину, единственную в группе девушку: «Здорова. Годна к тяжелому (разрядка моя.— **В. Г.**) физическому труду». Тогда как, скажем, Виктор Красин, Илья Шмаин, Феликс Карелин годны просто «к физическому труду». Мужики! Повезло ребятам: за них не заступался Дорон...

И вот двадцать седьмого июня подполковник Кононов, а вместе с ним подполковник Круковский и два полковника — Шумаков и Волков — создают «Обвинительное заключение», которое седьмого июля «утверждает» генерал-лейтенант Огольцов. Про Калину там сказано следующее: «...Вначале признала себя виновной, но впоследствии от своих показаний отказалась».

Вроде все честно записано. Да не совсем! Почему-то не отмечено, что в самом начале, на допросе одиннадцатого апреля, она категорически отрицала предъявленную ей чушь.

Тут же, в «Обвинительном заключении», ремарочка: «Отец Калины был арестован в 1937 г. за шпионскую деятельность в пользу иностранной (разрядка моя.— В. Г.) разведки». Помните: визитная карточка и открытка «на иностранном языке», изъятые у Иры? Там такая запись — явно от бескультурья. А тут-то отчего не уточнили, на какую страну работал Игнатий Петрович? Отчего столь туманное и зыбкое обвинение?

А дальше уж совсем беспардонная ложь: «Винным себя на следствии признал». Знали, что никто ничего уточнять не станет. Зато логика во всем, содеянном следствием,— налицо. Отец — враг и дочь, естественно,— враг. Хотя она в этом и не призналась.

Чуть ниже — запись: «Бахтырев и Калина находятся в Лефортовской тюрьме МГБ СССР. Остальные — во Внутренней тюрьме...» И совсем интересная деталька. «Вещественных доказательств по делу нет». (Разрядка моя.— В. Г.) Спокойно так отмечают! На обороте фиолетовыми чернилами — вывод: «Дело внести на рассмотрение О/сов».

Но, чтобы слишком не затруднять «Особое совещание», Кононов уже раздал «всем сестрам — по серьгам» (братьям в основном) в своем «Обвинительном заключении»: «Полагал бы меру уголовного наказания определить»... И дальше, пофамильно,— кому сколько лет ИТЛ дать. Ну а кого в какой лагерь направить — обычный или особый,— он распределил еще седьмого июня, за месяц до «Обвинительного заключения»! Вот такой в МГБ служил стахановец...

В тюрьме Ира спала очень крепко, даже в неудобной позе — на спине, со строго положенными на одеяло руками. Как только повернешься и укроешься поуютнее, по-домашнему, входят, заставляют лечь в исходное положение, сами вынимают у сонного человека руки из-под одеяла или из-под подушки.

Ира с Нелли пытались добираться днем, сидя за столом и завесив лицо волосами. Но этими старыми тюремными трюками охрану не проведешь! А лечь днем нельзя. Более того, глаза закрыть невозможно: тотчас — окрик. Поэтому спала девушка в те часы, что оставались от ночных допросов, как убитая, без всяких сновидений.

И вдруг — сон. Второй после того, предарестного: когда она вылетела из саней в снег, а мама с Элькой умчались, целы и невредимы. Ира увидела, в цвете, свою ладонь с растопыренными пальцами. Все пять пальцев были явно больны. Но четыре — особенно: в ужасных язвах, ранах... Вскоре ее вызвал начальник тюрьмы и объявил приговор, вынесенный ОСО двадцать третьего июля: пять лет исправительно-трудовых лагерей.

Я держала в руках эту «выписку из Протокола № 40 Особого Совещания при Министре Госбезопасности Союза ССР...» «Слушали — Постановили»... На обороте, где после напечатанных слов: «С постановлением... ознакомилась», должна была стоять подпись Иры, вписано синими чернилами: «От подписи отказалась». Зато, вкривь и вкось, много других фамилий, разными чернилами. Прочитывается только одна — «Подполковник Воробьев»...

Как же Ира рыдала, выйдя от начальника тюрьмы и не помня, конечно, ни о каком «вещем» сне, не зная тогда, что проведет в лагерях действительно не пять, а четыре года: после смерти Сталина ей повезет с бериевской амнистией. Ира так плакала по дороге в камеру, что

молодой солдатик, сопровождавший ее, испугался и все спрашивал: «Ну, сколько дали? Сколько?» А когда она наконец выдала: «Пять лет», чуть не пустился в пляс:

— Да это «детский срок»! Сейчас дают десять, пятнадцать, двадцать пять! Радоваться надо, ты что?

«Пусть будет стыдно нашему государству»...

Но Ира, перенесшая ледяной карцер, который не все мужчины переносили, была сломлена несправедливостью приговора, тем, что ее никуда не вызвали, не выслушали, тем, что за ее спиной был разыгран элементарный спектакль.

Она вдруг перестала есть. Нет, девушка не объявляла никакой голодовки. Просто пища из-за нервного спазма не проходила, не глоталась. Ее ругали, грозили, что применят принудительное кормление. Она послушно ложилась на спину, сама вливая себе ложкой в рот еду. Но...

Тогда ее куда-то перевезли и поместили в двухместную камеру. Судя по ковровым дорожкам, по безумным крикам, несшимся со двора, по мощным ударам, это была внутренняя тюрьма Лубянки, в которой шли обычные допросы. Женщина, которая уже находилась тут, сразу же спросила:

— Вы больны?

— Нет, — ответила Ира удивленно. В свою очередь, удивилась женщина:

— А я больна! — И охотно рассказала о своих недугах, о том, что она — родственница Лидии Руслановой: сестра ее мужа, генерала Крюкова. Так Ира поняла, что попала в санчасть Главной тюрьмы, для поправки здоровья.

Но с «поправкой» дело шло плохо — Ира по-прежнему почти не ела, а на прогулках еще сильнее плакала. И ее перевезли в Бутырки, чтобы оттуда отправить в лагерь. Как говорится, с глаз долой — из сердца вон... Тем более что приговор у человека уже имеется, а в следственной тюрьме, каковой является Лубянка, таких держать нельзя.

Именно там, в некогда «Бутырском замке», построенном при Екатерине Второй по проекту знаменитого Матвея Казакова, видевшем в своих стенах лучших из лучших людей России, Ира написала письмо Абакумову. Оно подшито в «Дело»: небольшой желтоватый листок бумаги, с бисерным аккуратным ириным почерком.

В правом верхнем углу популярными тогда фиолетовыми чернилами обозначен адресат: «Лично Министру Государственной безопасности СССР Абакумову (без «товарища») — В. Г.» от осужденной... Бутырская тюрьма, кам. 336. 21/VIII—49 г.»

Дальше идет весьма неординарный текст: «Убедительно прошу Вашего разрешения на пересмотр моего дела. Я стала преступником, ничего не преступив. Я потребую ответа от всех, кому безразлична чужая жизнь. ...Можете меня никогда не возвращать из лагеря, я сама не захочу вернуться назад, в социалистическое общество, которое выкинуло меня из жизни, несмотря на то, что у меня нет никакой вины. Неужели это правда, что органы М. Г. Б. — органы насилия, которые не считаются со справедливостью? ...Мое дело запутали и не дали мне исправить. Мои лучшие порывы втоптыны в грязь!!!» И все это Ира почему-то озглавила так: «Прошение»...

И. О. начальника тюрьмы майор Таланов и начальник секретариата майор Ковалерян уже 24 августа переправили вольнодумное письмо начальнику секретариата Министерства «полковнику тов. Чернову»: «При этом препровождается закрытое письмо заключенной Калиной (! — **В. Г.**) Зоры-Ирины Игнатьевны, адресованное на имя Министра Государственной Безопасности СССР генерал-полковника товарища (!! — **В. Г.**) Абакумова».

Оттуда, 27-го, оно ушло в секретариат Особого совещания МГБ СССР: «генерал-майору Зсаулову А. А.». 17 сентября на свет рождается «Постановление», утвержденное начальником секретариата Зсауловым, в котором сказано: «Заявление оставить без удовлетворения, о чем сообщить осужденной через отдел «А» при МГБ СССР». И подписи — ст. оперуполномоченный 2 отд. секретариата Особого Совещания... подполковник Акопян, начальник 2 отд. ...подполковник Гусев».

Есть одна довольно любопытная подробность в преамбуле «Постановления», где сообщаются все данные на Ирину Калину: «Отец в 1937 году арестован за шпионаж (умер в тюрьме)» (Разрядка моя.— **В. Г.**) Человек то расстрелян, то умер. Но какая в конце концов разница? С их — Лубянской — «колокольни»?

Иру везли в лагерь в отдельном зарешеченном купе, как птичку в клетке: не дай Бог, что случится по дороге! А так будет настоящий подарок избалованным лагерным боссам, выбор у которых и без того неограниченный. Но тут — девушка, да еще интеллигентная, да еще молодая и необыкновенно хорошенькая... Вот «товар» и стергли-бергли.

А Ира все думала об Олеге, который почему-то так и неотреагировал ни в одной из тюрем на ее «музыкальный» сигнал... И очных ставок с ним не было... С другими были, а с ним — нет. И экзекутор Кононов о нем молчал... Столькими фамилиями манипулировал, а его ни разу не назвал!

Так и не успела она съездить с Олегом в Кострому, познакомиться с будущими родственниками... Когда теперь придется? В том, что это со временем случится, Ира не сомневалась. Они же еще молоды! Ну что в общем-то пять лет? Такая любовь, как у них с Олегом, все преодолет. А может, даже еще больше окрепнет, возмужает. Сколько Ира читала о том, что разлука не только проверяет чувства, но и усиливает, возвышает. Их любовь проверять, конечно, глупо: она очевидна. Но придать ей какие-то особые краски... Что ж, такая возможность Ире, художнику, не была чужда.

Однажды, провожая ее, Олег рассказал, как у них дома все красиво... Какой у них прекрасный рояль...

— Тебе, Ирусенька, у нас очень понравится!

Олег не хвастал, не противопоставлял свой благополучный быт ее, неустроенному. Он искренне желал, чтобы невесте пришлось по душе его родовое гнездо. А Ира тогда еле дождалась лифта и, не прощаясь, шмыгнула в него, быстренько нажав кнопку своего седьмого этажа.

И сразу же хлынули слезы обиды, горя, уязвленной гордости. Она ведь никогда не рассказывала Олегу о том, как они жили при папе, о том, какая трагедия произошла в их семье. Об этом не знал не только Олег, но и вообще никто вокруг!

Семья эта была для дома № 14/16 по улице Чкалова, конечно,

нетипичная: его населяли очень благополучные и обеспеченные люди. Но так уж случилось, что именно здесь Галине Алексеевне, когда она вернулась из Минской тюрьмы, просидев там под следствием целый год, выпущенной после смерти мужа за недоказанностью обвинения, дали небольшую комнату в коммунальной квартире.

Как-то Ира узнала, что ее товарищ по дворовым играм Фрэд Шафранский, сын крупного генерала, с большим недоумением сказал своей маме о том, что «Реночка живет очень бедно». Девочка, в свою очередь, спросила об этом Галину Алексеевну. И сделала вывод:

— Мне стыдно, что мы так живем!

Галина Алексеевна помолчала, видно, перебарывая поднявшуюся в душе бурю, а потом, как всегда с достоинством, ответила дочери:

— Пусть будет стыдно нашему государству...

Больше Ира никогда о таких вещах не спрашивала и так же, как мама, терпеливо переносила все бытовые тяготы.

От постоянного голода Ира была очень слабой, часто и много болела, плохо двигалась, играя в салочки, лапту или шандер, тогда как все мальчики и девочки были крепенькие, «напитанные», по выражению Ирины Игнатьевны. Она очень почему-то не любила в детстве, когда дыша в затылок, за ней бежали — сразу же останавливалась, будто вкопанная.

Но Фрэду сызмальства все нравилось в «Реночке», даже ее замедленность. (Недаром много лет спустя после неудачи в семейной жизни, которую пережили оба, они соединили свои жизни.) А уж про толстенные светло-пепельные косы и говорить нечего...

Красивый подросток, своеобразно одетый — черные блестящие сапожки, черный свитер, белоснежный воротничок, — выносил на балкон своего четвертого этажа патефон и кричал Ире, стоявшей наверху, на балконе безотказной Любаши, после посещения которой она всегда находила в кармане что-то съестное:

— Что тебе поставить? — И на всю мощь пускал заказанное: «Рио-Риту», «Серенату Солнечной долины», «Джорджа из Динки-джаза», что-то из Эдди Рознера... У Фрэда, то есть у Фридриха, названного так в честь Энгельса, был большой выбор популярных пластинок тридцатых годов. И дом от этих концертов просто стонал!

А Ира, слушая музыку на чужом балконе, вспоминала ту, которую слушала когда-то, когда был еще папа, вспоминала ту жизнь, в которой она провела девять счастливейших лет.

...Она родилась в Данциге, и ее, недоношенную, выхаживали в клинике по лучшей зарубежной методе. Вскоре Ирина-Зора превратилась в очаровательную девчущку, напоминавшую тех пушистых цыплят, которых мама вышила на ее платье. Малышка была радостная, вся какая-то солнечная. И обожала не только элегантного отца, красавицу мать, но и старшую сестру Эльку. Элеонору — как дочь Маркса. Много позже та почему-то стала Еленой...

Ира росла девочкой, которая все время боялась потеряться, как заметила Галина Алексеевна. Поэтому та стала воспитывать дочь в суровых немецких традициях, в чем ей помогала строгая бонна Тереза, которую девочки, несмотря ни на что, очень любили.

Не раз вслух Беби высказывала две свои главные мечты: чтобы не было надоевшей ей еды и чтобы все жили в одной комнате. И Бог услышал ее, исполнив оба желания. Но до этого — еще несколько лет.

А грезил Ира о том, чтобы семья жила скопом, вот почему.

И в Данциге, где наше Генконсульство занимало особняк, построенный еще Петром Первым, и в Харькове, на Украине, и в Белоруссии, в Минске, где Игнатий Петрович был наркомом иностранных дел, во всех этих домах, предоставленных ему государством, было очень много комнат: и для работы, и для приемов, и для семьи.

Детей, конечно, рано укладывали, а им так хотелось посмотреть, как проходят торжественные приемы, на которых всегда блистала их молодая мама, которую Ирина Игнатьевна с первых лет своей жизни и до сегодняшнего дня считает совершенством.

Галина Алексеевна, жившая в раннем детстве в старинных Белозерске и Кириллове, осталась сиротой в пять лет: не выдержав позора карточного долга, в который его вверх опытный шулер, ее двадцативосьмилетний отец — дворянин, офицер — застрелился, оставив жену с четырьмя детьми.

Молоденькая вдова, выпускница института благородных девиц в Вологде, родня Арсеньевых, стала сельской учительницей. Но одна прокормить всех не могла, и Галю взяла ее бездетная сестра, то и дело секшая девочку розгами. Потом — школа, комсомол, учеба в московском медицинском училище.

И, наконец, встреча со своим преподавателем, известным врачом, родившимся в Польше, в семье лесничего, но получившим все-таки прекрасное образование в Швейцарии, куда он, принимавший участие в нелегальном рабочем движении с девятнадцати лет, то и дело сидевший в царских тюрьмах, вынужден был эмигрировать.

Галю, наслушавшись от подруг про какого-то удивительного Калину, долго болевшего, увидела однажды невысокого человека, не слишком красивого, но совершенно пленительного, завораживающего своей утонченностью, своей эрудицией. И безоглядно влюбилась в него.

Игнатий Петрович тоже обратил внимание на высокую, тоненькую, с длиннющими косами студентку, активную комсомолку, редактора стенгазеты. Он видел, как она щурится, но не показывает вида, что близорука. Как плохо одета, но ходит в своих кошмарных войлочных тапочках, с гордо закинутой головой. Когда после демонстрации, на которой ее обувь раскисла от дождя и просто сваливалась с ног, он хотел купить ей какие-то туфли, Галю страшно возмутилась.

И все-таки они поженились. Несмотря на то, что совсем вроде бы не подходили друг другу. Несмотря на двадцать два года разницы. И прожили вместе двенадцать счастливейших лет: до его ареста и гибели. Он звал ее «Галька». Она звала его «Милый». И очень редко — «Игнатий Петрович». Это означало, что она неизменно на него сердится...

Элька родилась в Союзе. А Ира — уже за границей, когда отцу — солидно образованному человеку, знавшему несколько языков, — предложили дипломатическую работу. С тех пор они и поселились в бурлящем врагами советской власти Данциге. Но особенно кучковались эмигранты в Сопоте, где была международная рулетка и для въезда в который не нужен был даже паспорт. В Оливе — тоже, правда, поменьше. Да где их не было? И в Праге. И в Варшаве. И в Париже.

Галина Алексеевна все время волновалась за мужа. Когда убили Войкова, нашего полпреда в Польше, которому был подчинен Калина, совсем потеряла покой. А когда в парижской белоэмигрантской газете «Руль» напечатали открытый призыв расправиться в Данциге с совет-

ским генконсулом, на прогулках, под всякими предложениями, старалась идти не рядом с Игнатием Петровичем, а сзади, чтобы в случае нападения должно прикрыть мужа собой. Ей почему-то казалось, что покушение должно произойти именно с тыла.

Семья уезжала из Данцига с удовольствием: очень уж соскучились по Родине. Вот только Терезу и верного пса Рольфа очень было жалко оставлять... И Беби настойчиво просила взять с собой хоть собаку, если уж бонну нельзя. Ее убеждали:

— Это немецкая овчарка. Ей нельзя в Союз.

— А она на границе будет лаять по-русски! — упрямилась девочка. А потом в поезде, когда они шли в вагон-ресторан через длинный состав, с удивлением сказала:

— Пахнет бедными людьми...

И откуда ей, катавшейся как сыр в масле, было знать этот запах? Предчувствие будущих горестей? Не зря ведь после ареста отца в семье было два основных состояния: голод и холод. Но до этой трагедии еще четыре года. Еще жизнь в Харькове. А потом в Минске, где сестры уже учились в школе.

Как-то в ливень Галина Алексеевна послала за ними машину, и один из шоферов, Женя, попытался привезти девочек домой. Но те сломя голову бросились в разные стороны: им было стыдно перед подругами, ходившими пешком. А вот Эмме Байдуковой, дочери знаменитого летчика, жившего в Москве, на улице Чкалова, стыдно не было, что она, сопливая девчонка, на глазах всего дома спокойно усаживалась одна в поданную ей машину и ехала в школу!

На Игнатия Петровича донес другой шофер — Паша, в которого маленькая Беби была по-детски влюблена: не простил, видно, хозяину, что тот застучал его на левых заработках. А может, это лишь усугубило его рвение?

В середине декабря тридцать седьмого года Калину вызвали в Москву: вроде бы хотели послать в Бельгию советником. На душе у него было скверно — аресты шли день и ночь. Вокруг как косою всех повыкосило: забирали уже не просто знакомых, а самых близких людей. И ни слуха о них ни духа! Хотя нет, какие-то вести доходили. Например, что Николай Матвеевич Голодед, председатель Совнаркома Белоруссии, покончил с собой, выбросившись во время допроса из окна... Что его жену Веру и шестнадцатилетнюю дочь Валю тоже взяли...

Игнатий Петрович до этого был в отпуске, в Барвихе, под Москвой. Так он каждый день звонил оттуда: «Галька, у тебя все в порядке?» Она его успокаивала, а сама умирала от страха! Потом, вернувшись, Игнатий Петрович кричал по ночам и просыпался в поту: ему снилось, что его арестовали. А днем держался молодцом, хотя рассказывал нехотя про Барвиху:

— У меня там было такое чувство, что я постоянно под наблюдением...

И все же он поверил: насчет Бельгии! И отправился в Москву!

Галина Алексеевна не смогла проводить мужа: загрипповала. А Ира с шофером поехала на вокзал. Она долго и нежно прощалась с отцом. С тех пор они друг друга не видели. Никогда уже Игнатий Петрович не заглянет в детскую и не сплет младшей дочери колыбельную: «Пойду, пойду в лес за ягодкой земляничкой...» (Для Эльки у него было что-то

про косарей...) Никогда Ира не услышит его удивительный художественный свист... Хотя на сцене выступай!

Галина Алексеевна ждала мужа домой к восемнадцатому декабря, ко дню его рождения. Она тогда не знала, что НКВД хлебом не корми, но дай арестовать человека именно в праздник или накануне. Так и случилось: за Игнатием Петровичем пришли в Подсосенский переулок, в его небольшую московскую квартиру, как раз в ночь на восемнадцатое. Намекнула об этом по телефону Ганна, племянница мужа: что надо, дескать, срочно выезжать в Москву.

Галина Алексеевна заметалась по дому в ужасе, в полной растерянности. Потом забежала в спальню, схватила фотографию мужа, поставила ее на кровать, опустилась перед ней на колени и зашептала как безумная: «Милый, милый, что мне сделать для тебя?» И тут же, не вставая с коленей, дала Игнатию Петровичу клятву: никогда, никому, даже детям, не сказать «Милый». Галина Алексеевна эту клятву сдержала.

Немного придя в себя, она послала в «органы» с каким-то ерундовым вопросом секретаря мужа Павла Николаевича Андриевского. Там ответили: «Вот придет Калина, и мы решим». Но он все не ехал...

Тогда Галина Алексеевна, зная от Игнатия Петровича, что их завхоз — осведомитель, сказала при нем невзначай, что уезжает с детьми. Без подробностей. Она понимала: рано или поздно будет обыск. И предпочла, чтобы он состоялся здесь, в Минске, а не в Москве, где-нибудь на вокзале.

И точно! В ту же ночь в особняк пришли чекисты и все перевернули: как она узнала потом, искали радиостанцию. Затем долго описывали вещи, уникальную библиотеку мужа.

Как сохранился мраморный Посейдон, успокаивающий трезубцем волны, подаренный Игнатию Петровичу при расставании сенатом Данцига, копия фонтана, расположенного напротив Ландстага, музейная вещь, непонятно. Но тяжеленная статуэтка, пережившая обыски, описи, аресты, войну, эвакуацию, послевоенное лихолетье, когда нужна была любая копейка и все мало-мальски стоящее тащилось на барахолку, цела до сих пор.

Так и стоит бог-олимпиец, сын Кроноса и Реи, у Ирины Игнатьевны: антично-прекрасный, идеально сложенный, вселяющий надежды, позволяющий верить в мифы. Только вот трезубец, которым Посейдон управлял морями, куда-то делся... Выпал из мощной руки... Лишь зама́х остался.

Как же хорошо помнит Ирина Игнатьевна ту ужасную ночь, когда в детской вдруг резко зажегся свет! (Потом яркой лампой, направленной в лицо, ее будет истязать Кононов.) Помнит большие мужские руки под собой, прощупывающие нижнюю перинку... Потом — верхнюю, служившую по немецкому обычаю одеялом... Галине Алексеевне почему-то не разрешили увести дочек из комнаты.

Ира притворилась спящей. Как и накануне, когда мама вошла ночью в детскую, села возле Элькиной кровати и тихо сказала ей, уже большой, одиннадцатилетней:

— Папу арестовали.

Ира в страхе натянула перинку на голову, отгораживаясь таким наивным способом от надвигавшейся на их семью беды: девочка сердцем понимала, что арест — это беда. И еще не хотелось огорчать

и без того расстроенную маму. Раз она ей не говорит, пусть уж считает, что младшая дочь ничего не слышала...

Хмурая зимняя Москва встретила Галину Алексеевну опечатанной квартирой. Хорошо, дочерей временно взяли в семью брата Игнатия Петровича, Станислава Петровича, юриста по образованию, заместителя председателя Моссовета, избежавшего, наверное, ареста только потому, что он успел умереть.

Пока звонила в НКВД, пока ждала официального представителя, который имел право взломать сургучные печати на дверях и впустить ее внутрь, прошел целый день. И никто из соседей, даже писатель-фантаст Палей, которому они без всякой платы разрешили жить и работать в этой квартире, не подошел к ней, сидящей на ступеньках, не предложил ни стул, ни чашку чая...

Сотрудник НКВД, впустивший наконец измученную Галину Алексеевну в дом, постарался ее по-своему утешить, увидев, как она рыдает: и из-за ареста мужа, и из-за того, что сделали с людьми, превратив их в трусов и подлецов:

— Не отчаивайтесь. Начинайте жить заново.

А Галина Алексеевна, оставшись одна, схватила в руки пижаму Игнатия Петровича и прижалась к ней лицом, вдыхая родной запах... Потом нашла в пепельнице окурки его папирос и взяла их, некурящая, губами: словно целовала мужа...

Днем она моталась по Москве, хотела найти Игнатия Петровича, что-то ему передать, сообщить — с семьей все в порядке. Но силы покидали ее, ведь каждую ночь сама ждала ареста и не спала до двух-трех часов. Дело дошло до обмороков. То ее вынесли без сознания из трамвая... То упала прямо на Лубянке, возле часового... А Галине Алексеевне в ту пору было всего тридцать два года!

Но, странное дело, именно в ночь на двадцать пятое января, когда за ней пришли, она рано уснула и очень крепко спала, будто сил набиралась впрок. Элька сдерживалась, не плакала, когда Галина Алексеевна собиралась. А девятилетняя Беби ревелла как белуга, обхватив ее за ногу. Той уже надо было уходить, но девочка все не могла оторваться от матери. И тут один из тех, кто пришел за ней, сказал очень убедительно:

— Не плачь, мама завтра вернется!

И Ира, ободрившись, разжала руки. Но Галина Алексеевна вернулась лишь через год.

Кстати, снова о серьезности и точности снов в этой семье. Накануне освобождения Галине Алексеевне приснилось следующее. Группа женщин — и она, конечно, — гуляет по тюремному двору. Вдруг все видят, что идет... Ленин. С криком: «Гражданин начальник!» — все кидаются к нему. Владимир Ильич, сморщившись, поправляет их: «Я не «гражданин начальник», а «товарищ»... Сон явно обещал что-то хорошее. Так в конце концов и получилось.

Галину Алексеевну, как, оказывается, и мужа, увезли в Минск, на место совершения «преступления». Но и там они не встретились: не дали, совершенно сознательно. А тюрьма — это своеобразное заведение. Люди и к нему приравниваются. Однажды в лазарете, где на короткое время оказалась Галина Алексеевна, заключенная из obsługi тихонько сказала ей:

— Вам — привет...

Та, разволновавшись, начала громко спрашивать, от кого привет, где этот человек, хотя поняла, что речь, конечно же, об Игнатии Петровиче. И женщина, испугавшись, тотчас ушла, ничего больше не добавив. Оставалось уповать лишь на получасовые прогулки, на коротенькие слова, тайком выцарапанные где придется. Несколько раз Галина Алексеевна натыкалась на свое имя: «Гальяка!» Несколько раз ей удавалось написать: «Милый!»

Как-то в круглом дворе, разделенном на секторы, словно арбуз — на вертикальные ломти, Галина Алексеевна увидела внутри, на стене, написанный по-немецки текст: «Калина ин Кранкен Хауз гешто...» Последнее слово было не окончено: не успели доцарапать, видно, что-то помешало. Но и так стало ясно, что все кончено, надежды больше нет, раз «Калина в больнице умер»: «гешторбен»...

С тех пор Галина Алексеевна ко всему стала равнодушной. Даже протоколы подписывала не читая! Тем более что плохо видела. Лишь один раз вдруг решила посмотреть, что там все-таки назаписывал следователь. Ведь постоянно, почти год, твердила ему одно и то же: что ни муж, ни она никогда не работали против страны.

Боже, что с ним произошло... Обычно не слишком усердствовавший, не слишком ругавшийся, он, стоя у окна и отвернувшись от подследственной, матерился так, что Галина Алексеевна, удивленно подняв от бумаж глаза, привычно сощурившись, увидела — со спины! — как пылают его уши. И поняла причину: в каждом слове полуграмотного следователя было по несколько ошибок. Чекист, зная это, просто сгорал со стыда.

Вот такие люди в тридцать восьмом году вели дела... Может быть, именно он или ему подобный допрашивал и европейски образованного Калину... Ну, а бить, пытать — так на это ни ума, ни интеллекта не надо!

Когда-то, точнее — почти двенадцать лет назад, примерно столько, сколько длилось ее счастье, Галину Алексеевну перевозили из Москвы в Минск. «Везти под прикрытием», — услышала она приказ относительно себя. И по неопытности поняла так, что ее в дороге чем-то накроют. Оказывается, с охраной. Теперь так же везли ее младшую дочь — Ирину. Ее Беби, Бебили...

Перед отправкой им дали свидание. Может, лучше и не давали бы? Народа — тьма: по одну сторону чугунной, с вертикальными прутьями, решетки — осужденные, по другую — родственники, посредине прохаживается охрана и следит, чтобы произносились только самые безобидные слова.

Ира сразу же выхватила из толпы прекрасное мамино лицо. Недавно оно постоянно мерещилось ей, даже в тюремном глазке... Галина Алексеевна, несмотря на плохое зрение, тоже мгновенно нашла взглядом Иру, бледную, осунувшуюся. Потом жестами, ударяя себя кулачком по лицу, спросила, не били ли дочь. Обрадовалась: не били. И тут Ира, перевернув справа налево фамилию Дорона, несколько раз произнесла слово «народ». Хоть и не совсем точно, но мама поймет. И та поняла.

Каким-то чудом Галина Алексеевна узнала телефон прокурора. А когда позвонила и представилась, он так испугался, что дальнейший разговор был бессмысленным. Наверное, собственные неприятности Дорона уже начинались...

Райские яблочки

И вот она, птичка-невеличка, попавшая в клетку, пересекает не по своей воле великие просторы нашей необъятной Родины, как у нас то и дело писалось, и приближается к Куйбышеву: там ее ждет пересыльный пункт, там ждут ее удивительные встречи.

Где же скрестились их пути — Иры и Солженицына? Если ему никто не написал о судьбе девушки, когда Александр Исаевич готовил свой «Архипелаг», то это могло случиться лишь в Куйбышеве: только там оба были в одно время.

Обычно мужчины и женщины не общаются. Но в Куйбышеве, пока их гнали к тюрьме, на каком-то привале получилось так, что разные этапы и группы на короткое время соприкоснулись, то есть люди перебросились несколькими фразами — кто, откуда, куда следует...

Ирина Игнатьевна помнит, что к ней подходил какой-то пожилой, как тогда показалось, человек, что стал ее сочувственно расспрашивать. И немудрено! Женщин в их этапе было немного. А из этих немногих она заметно выделялась своим городским видом: никаких старушечьих платков, гордо поднятая голова, чудо-волосы... Вполне могло быть, что уже зревшее внутри Солженицына «писательство» толкнуло его к необычной арестантке и он запомнил ее — тоже необычные, рифмующиеся — имя и фамилию: Ирина Калина. Очень же просто!

Во всяком случае, через сорок лет в главе, где Александр Исаевич рассказывал об участии женщин в советских лагерях, мы смогли прочитать те самые строки: «Ну, какой товар привезли?»

Ведь завезшиеся, как говорится, от избытка и разнообразия «товара» гулаговские бонзы были весьма привередливы. Но девушки, да еще такие симпатичные, даже после тюрьмы и тяжелой дороги, встречались не слишком часто. Поэтому Ира, на горе свое, была в центре внимания.

Тут, в Куйбышеве, ее сразу же выделил начальник пересыльной тюрьмы и немедленно вызвал... помыть пол в своем кабинете. Ира ползала перед ним на коленках, мусолила мокрой тряпкой паркет, а сама то и дело гладила маленького котенка, бродившего здесь же. Детский сад! Детский срок!

— Так, пол мыть вы не умеете... — сделал вывод начальник, понаблюдав, как скверно выполняет заключенная приказ. Но это его, видно, не огорчило, потому что он сразу же предложил Ире остаться тут: ей в тюрьме будет гораздо легче, чем в лагере, особенно на общих работах. Но Ира отрицательно замотала головой:

— Я получила направление, туда и поеду. — Она надеялась на встречу со своими «подельщиками»: куда уж теперь им друг от друга! И началось... Вернее, продолжилось... Еще в первый день по прибытии, когда Ира заученно отвечала на традиционный вопрос «Где родилась?», вдруг заволновалась какая-то группа мужчин, бывших неподалеку и услышавших: «В Данциге». Оказалось — немцы.

Вскоре, но уже после безрезультатной встречи Иры с начальником Куйбышевской пересыльной тюрьмы, они начали стучать в стену ее камеры, приняв девушку за свою, желая что-то уточнить. Тотчас явились надзиратели и, не слушая никаких ириных объяснений, засунули «провинившуюся» в карцер.

Он был не таким ледником, как в Лефортове, но тоже ужасным. Да просто обидно получать несправедливое наказание — ни за что ни про

что! И Ира объявила голодовку: ничего не ела день, другой, третий... Даже слыша рядом вопли и черную ругань в свой адрес вечно несъятых людей, умолявших отдать им пайку этой, раз она — добровольно! — отказывается от «приема пищи», не поддавалась соблазну.

Когда девушку выпустили из карцера, ей аккуратно выдали весь сбереженный для нее хлеб, и она завернула драгоценные кусочки в полотенчико, которое брала с собой. Медленно идя, шатаясь от слабости, по тюремному двору впереди вооруженного охранника, Ира вдруг увидела, как в грузовик вместе с другими мужчинами залезает... Бахтырев.

— Кузьма! — закричала она и бросилась к грузовику.— Кузьма, подожди! — Откуда только силы взялись?

Солдат бухал сапогами сзади, с винтовкой наперевес, и вопил истощено: «Стой! Стрелять буду!» Но Ира не обращала на него никакого внимания. Толя уже стоял в машине и недоуменно вглядывался в приближающуюся к нему фигурку, бегущую с трудом, как во сне. А узнав, буквально просиял от счастья.

Но у них оставались лишь секунды: на какие-то междометия. Машина тронулась, и тут Ира, спохватившись, сунула худощевому «Кузьме» свой узелок: там были не съеденный ею хлеб, луковица и расческа. Лишь в камере она вспомнила, что бедный Толя был пострижен наголо...

Через несколько дней и Ира двинулась в путь, чтобы в плоском, как стол, Стеллаге позабыть свое имя: она стала человеком номер СХ-365. Отныне девушка должна была носить этот номер на спине, рукаве и юбке. Или брючине. Тряпица с цифрами, сделанными аккуратно, по трафарету, нашивалась в лагерной мастерской не на ткань, а на прямоугольную дырку. Если, задумав побег, сплерешь номер, под ним будет пустота, и каждый бдительный человек узнает в тебе политкаторжанку.

Итак, после Куйбышевской пересылки Иру ждали Казахский Кингир с начальником Звериковым и Стеллаг со Стадниковым. Интересно, это совпадение или все же знак судьбы, что оба эти человека носили такие фамилии? Судя по их поведению, в совпадение верится трудно.

Однажды, поздно вечером, когда Ира вернулась с работы из котлована, что заключенные рыли в Прибалхашье, она, не в силах ни переодеться, ни высушить мокрую и заскорузлую одежду, рухнула, в чем была, на нары и прикрыла в изнеможении глаза: ей уже больше не мешал никогда не выключавшийся свет. Она не замечала разговоров, не замечала возни около себя: будто в бездну провалилась. И вдруг страшный шум, голоса, взрывы хохота...

Ира открыла глаза. Рядом, почему-то в ее немногочисленных скромных вещичках, плясали и пели соседки по бараку: все из «придурков» или «фраеров», как еще называли тех, кто устроился в зоне на блатных местах и не ходил на общие работы.

Это был настоящий шабаш! Женщины, бесстыдно кривляясь, совершали хорошо понятные друг другу, но незнакомые девушке телодвижения, указывали пальцами на сакраментальное место, называя его пространственным матерным словом и в полный голос распевая сочиненную ими же песню про то, что «п...а» — это кормилица, что нечего ее беречь, а надо пользоваться случаем, чтобы хорошо жить...

Ира в ужасе смотрела на эту вакханалию, устроенную, конечно же, по велению свыше, иначе такой «номерок» в бараке никогда не прошел бы.

Но внешне никак не реагировала на самодеятельный концерт. Разочарованные тем, что Ира не взорвалась, что молчит, «артистки» побросали ее штотки назад, в узелок, и отправились спать. А девушка, снова прикрыв глаза, невольно вспомнила то, что всеми силами старалась забыть.

...В первом ирином лагере, в Кингире, хозяином над всеми был Звериков. Он сразу же «положил глаз» на новенькую: без конца вызывал ее, беседовал... Опытные зэчки предупредили девушку, что ей суждено стать наложницей начальника.

Ира пришла в ужас. И, как только подвернулся этап в Степлаг, срочно записалась в него. Звериков пытался отговорить ее — там, мол, она пропадет, это страшное место, но Ира слушать его не захотела. И попала прямоком в руки... Стадникова, другого «гражданина начальника». Но до того...

До того ее все же настиг Звериков. Возможно, как теперь становится ясно, он уже считал девушку собственностью. Возможно, даже с кем-то расплатился за нее. Короче, однажды вечером за ней пришла надзирательница, куда-то молча повела, и Ира неожиданно оказалась в небольшой комнате с лавкой наедине со ... Звериковым.

Офицер запер дверь, выключил свет, быстро догола разделся и ловко посылал все, что было на Ире. И тут вялая, усталая после непосильной работы девушка преобразилась, превратившись в настоящую тигрицу.

Сражение шло до утра: ни один из двоих не сдавался. Иногда обескураженный, неимоверно обозленный яростным сопротивлением Звериков отдыхал, устав от единоборства. Тогда чуть-чуть расслаблялась и Ира, правда, ни на секунду не теряя бдительности. Так что, когда Звериков вновь кидался на девушку, словно разъяренный бык на красное полотнище, она давала ему такой отпор, что здоровенный, откормленный офицер вновь брал «тайм-аут».

Пришла Ира в барак под утро. Все спали, лишь Тося Мальцева, подружка, бодрствовала в тревоге. Измученная девушка лаконично рассказала ей о случившемся. А вскоре ее пригласили в медкабинет, на обследование, и врач после осмотра доложил нескольким незнакомым встревоженным военным, что с Ирой все в порядке...

Стадников не пытался примитивно изнасиловать Иру. Однажды, застав ее где-то одну, он подошел внезапно и, ни слова не сказав, впился губами в ее губы. И снова скрытая пружина, мгновенно раскрутившись, выстрелила у Иры внутри: девушка больно схватила офицера за густые волосы на затылке — благо, руки были свободны — и с силой рванула голову назад.

Офицер, крепкий, статный, буквально оторопел. Потом безмолвно, лишь прищурив стальные миндалевидные глаза, резко повернулся, щелкнул каблучками сверкающих сапог и, чеканя шаг, вышел из помещения. Так Ира определила свою лагерную жизнь: вскоре она очутилась в штрафной бригаде бандеровки Юлии Радченко.

Интересный вывод сделала тогда девушка. Почему-то среди особо жестоких людей в лагерях оказалось много молодых и красивых. Вот такое странное сочетание... Недурен был Звериков. Просто хорош — Стадников. Прелестная молоденькая надзирательница с особым наслаждением надевала Ире, ни в чем не провинившейся, страшные американские наручники, которые от малейшего движения все глубже и глубже впивались в запястья, словно зубы пираньи...

А Радченко, которой в иное время и в ином месте можно бы просто залюбоваться, с удовольствием была Иру по щекам. Ээк — ээка! Но Юлия была бригадиром, значит, имела власть над людьми. А коли так... Тем более что эта «недотрога» (в заключении все быстро становится известно) не выполняла норму, которую, правда, и другие не выполнили бы.

Вот и поставила ее однажды Радченко на всю смену «под вышку»: в страшный мороз, по стойке «смирно». Шевельнется — часовые имеют право стрелять. Пусть еще скажет спасибо, что в одежде! А могла бы и раздеть.

Ира действительно плохо справлялась с заданиями. Но сказать, что она не хочет работать, — значит погрешить против истины.

Их возили на грузовиках очень далеко: отправлялись утром, даже в пургу, затемно, возвращались тоже в темноте. В ватных бушлатах, в толстых штанах, в ушанках и огромных, уже кем-то изношенных ботинках, натянутых на онучи, женщины плотно сидели в кузове, а в их расставленных ногах устраивался следующий ряд. Не пропал ни один сантиметр площади!

Когда Ира первый раз попала в необозримую степь, она была потрясена открывшейся ей картиной: словно оказалась в каком-то фантастическом мире. Огромное пространство, обнесенное колючей проволокой, с вышками по углам... Холмы и карьеры, высеченные мертвенным светом мощных прожекторов, будто поверхность Луны или Марса... И маленькие черные фигурки, колошащиеся на этой бесплодной, мрачной земле...

Если бы Ире тогда сказали, что она, вернувшись и вновь обретя желание жить, будет сниматься в фильме «Аэлита» вместе с Лановым и Этушем, изображая марсианку, и, танцую на просторной площадке таинственного города Соацера, застывать в изящных, грациозных позах, словно необыкновенные женщины с картин Боттичелли, сочла бы это за насмешку, за издевательство.

Ира тогда серьезно подумывала о самоубийстве и, если бы не письмо Галины Алексеевны, прочитавшей страшную мысль дочери даже на таком огромном расстоянии и написавшей ей, что тогда у нее не будет ни цели, ни смысла жизни, что-то предприняла бы в этом плане. Бросилась бы, очевидно, ночью в глубокий котлован с отвесными бетонными стенами... А — из-за мамы — пришлось смириться и стараться выжить, но не теряя, конечно, человеческого достоинства.

Много горя испытала девушка в хозяйстве Стадниково. Но всегда ей светила какая-то звезда над головой (может быть, тот самый Марс?), которая ее оберегала. Когда она впервые оказалась в степи и ей, отмерив огромный кусок твердой, как гранит, земли, дали в заледенелые руки кирку и велели ее долбить, Ира расплакалась от отчаяния: кирка даже не входила в грунт!

Тотчас к ней подошла пожилая украинка и начала утешать, обволакивая ласковой, очень домашней украинской «мовой». Ира не знала языка, но отдельные слова, а главное, интонацию понимала: «Така гарна дивчинка... Донэчка малэнька...» Женщина гладила Иру, как ребенка, и успокаивала — что надо перетерпеть, что не надо плакать...

А те солдаты на вышке, когда Юлия, отхлестав девушку по щекам за то, что она была не в силах вытащить из мерзлоты тяжеленный отбойный молоток, поставила Иру на сорокаградусном морозе по стойке

«смирно»? Девушка, конечно, шевелилась, переступала с ноги на ногу, но охрана, сама буквально плававшая от жгучего холода, не стреляла: делала вид, что не замечает.

А «Скорпион», суровая и крикливая надзирательница? Но на самом деле очень хорошая. И прикоснется тайком, сердечно, и незаметно поможет в чем-то, но чего-то — чего ей не надо видеть — не увидит. А шума внешнего от нее было ужас сколько!

Однажды Иру случайно обожгли горячим битумом: не в ведро, что она подставила, плеснули, а прямо в брезентовую рукавицу. Хорошо, что внутри была еще домашняя варежка, что все женщины кинулись на помощь, сразу вспомнив проверенное народное средство... В общем, спасли молодой художнице правую руку.

А как-то Иру и еще несколько человек отправили в казарму охранников: прибраться. Девушка мыла окна, когда один солдатик, совсем еще мальчик, подошел к ней и куда-то позвал. Ира, наученная уже горьким опытом, пошла неохотно. И все удивлялась, что вокруг никого нет.

Они долго блуждали какими-то ходами-переходами, так никого и не встретив, пока не оказались наконец в пустой кухне. Парнишка усадил Иру за стол, налил полную миску густого, наваристого борща и поставил перед ней. От давно забытого аромата у Иры zakружилась голова. Но она, с трудом пересилив себя, сказала спокойно:

— Спасибо, я не хочу есть.

Это была очевидная ложь, солдатик прекрасно все видел. Но иначе поступить девушке не позволила фамильная гордость.

192 Даже у милейшего бригадира — из вольнонаемных — Надымова, который приносил ей из дома то бутерброды, а то и конфеты, вечно голодная Ира не сразу начала брать «гостинцы». Не собака же, чтобы из рук выхватывать! И человек быстро сообразил, что к чему: стал незаметно оставлять то одно, то другое возле девушки. Когда он уходил, тогда Ира ела. А при нем...

Так и в этот раз, с милым мальчиком — москвичом, как оказалось, — вышло не очень складно. Как же он, бедный, расстроился!

— Если бы вы знали, чего мне это стоило... — произнес огорченно. Ира понимала сложность проделанной операции; ведь ему нужно было так договориться с товарищами, чтобы на всем пути им никто не встретился, чтобы никто не видел, что он ведет на военную кухню заключенную. Но ничего не могла с собой поделать.

Когда девушка уже заканчивала мыть окна и все остальные зэчки тоже справились со своей работой, солдатик принес Ире райских яблочек, набив ими карманы. Их она взяла с благодарностью и тут же угостила женщин. В зону пронести — даже такой пустяк — нельзя, поэтому они вынуждены были съесть все яблоки прямо тут, в казарме.

До сих пор Ирина Игнатьевна помнит тот своеобразный сладкий вкус маленьких, с детский кулак, яблочек, медово-прозрачных, из которых варят варенье... Помнит того заботливого паренька, что по-братски пожалел ее, дистрофика, и хотел сытно накормить...

А потом был «венец ее жизни», как образно сказала мне эмоциональная Ирина Игнатьевна: встреча с Батеневым, практически спасшим ее, погибавшую от истощения на постоянном штрафном пайке. По зоне объявили, что к ним на несколько дней едет очень большое гулаговское начальство и что каждый может записаться на прием.

Ира теперь не обольщалась надеждами, не уповала на добрых «дядей» в гимнастерках. Легче было сделать себе «мастырку» (натереть специально ногу, обварить руку, чтобы не ходить за зону), чем найти правду и справедливость у лагерного руководства, не став — взамен — чьей-то наложницей... Они были, как оказалось, у всех! Даже у простой охраны! Чего же говорить о «чинах»?

Нет, ни за что не пошла бы Ира к Батеневу, если бы ее не допекла еще одна бригадирша, тоже из зэчек, но нетипичная: не молодая, красивая, а, наоборот, старая, уродливая, хоть и такая же, как те, жестокая. И, что удивительно, еврейка по национальности, для которой, вечно гонимой и угнетенной, такие вещи вроде бы нетипичны.

Ира тогда — летом, в страшную жару — откалывала от огромного валуна куски гранита и складывала их в тачку. Приставит длинную острую железяку к камню и бьет по ней кувалдой, которую просто удержать в руке едва может... Нароботает так, с колоссальным трудом, сколько-то и собирается везти неподъемную тачку в гору. А бригадирша тут как тут: мало, еще клади! Опять мало — добавляй!

И девушка поняла: все, ей конец. Последние силы ушли. Их и так было немного. А тут еще то БУР — барак усиленного режима, то карцер...

Когда Лебедев сажал Иру туда из-за Левы Премирова, тоже художника, с которым они ухитрились наладить переписку, то и дело перехватываемую начальником режима (мужская и женская зоны, хоть и на одном лагпункте, были строго изолированы), все было ясно: заключенным мужчинам и женщинам — политическим, естественно, — общаться было запрещено. Даже на духовной основе. Но вот когда девушка оказалась однажды в карцере без всякого проступка — это было непонятно. Лишь из удивленного возгласа надзирательницы («А ты что тут делаешь?»), поразившейся присутствию Иры в следственной камере, та поняла, что ей хотя бы «намотать» новый срок: типичное для лагеря дело.

Но кто-то, видно, за нее похлопотал, раз обошлось. Может быть, тот же Лебедев, не злой, в общем-то, человек. Сколько раз во время отсидки заходил он к Ире в карцер и требовал, чтобы она «порвала» с Премировым, хотя и рвать-то с сорокалетним Левой, потерявшим в северных лагерях от цинги все зубы, сыном расстрелянных родителей, было нечего.

— Он же вам в отцы годится! — убеждал Иру, съезжившуюся на нарах и поджавшую под себя ноги в носочках, Лебедев. — Дайте мне слово, что прекратите переписку, и выходите хоть сию минуту!

— Вам не понять, что это потребность души, — стояла на своем девушка. Кроме того, она не могла предать человека, видевшего ее лишь мельком, случайно, но для которого она стала смыслом жизни, который рисовал ее и для нее, который сочинил сказку про хрупкий Лазоревый цветок, выросший у проезжей дороги, несмотря на пыль и гарь: по ней сновали «тупорылые грузовики».

Лазоревый цветок — это, конечно, она, Ира Калина. Но вот когда во время шмона у нее нашли другую сказку Премирова — про маленького мальчика, боровшегося с драконом, — вот тут для них обоих все могло кончиться плохо.

...Обычно в барак врывались среди ночи, неожиданно, и начинали всех трясти: каждую вещичку, внимательно рассмотрев, брезгливо от-

швыривали в сторону. А Ире было невероятно стыдно, что пахнет парашей! Ей, а не им. Потом, перебрав личные вещи, выгоняли сонных женщин во двор и приказывали им, полуодетым, сесть на землю. В любую погоду. А сами уже более тщательно перерывали весь барак, все нары.

Так и нашли левину сказку, сопровождаемую, как обычно, рисунками: храбрый мальчик, размахивая саблей, отсекает у чудовища одну голову за другой. Но вдруг кому-то что-то показалось...

— Это намек на МГБ? — прицепились к Ире. — Это мы, по-вашему, «дракон»?

Еле тогда она переубедила сверхдвительных чекистов, ссылаясь на многочисленные фольклорные примеры. Вроде успокоились. Только вот начальник режима не отстаёт, но по другому поводу:

— Значит, не даёте мне слова порвать с Премировым? — И расстроенный Лебедев сочувственно погладил ирину ногу в детском носочке: до чего же упряма!

Пришлось девушке все-таки записаться к Батеневу: поняла, что с такой дистрофией и с такой работой не продержится. Когда она вошла в надзирательскую, где велся прием, начальник сидел за столом, положив голову на руки: пользовался, видно, паузой для отдыха. Иру поразила его шевелюра — светлые, слегка выющиеся, как у Есенина, волосы. И лицо оказалось точь-в-точь, но лет на десять постарше. Удивительное сходство...

Лицо это потрясло девушку и другим — своим странным выражением. Когда Батенев поднял голову и взглянул на вошедшую, чувство изумления, которое мужчина испытал с первых же секунд, так и не исчезло с его «есенинского» лица до конца их долгого разговора.

Но как Батеневу, повидавшему сотни заключённых женщин — явно несчастных, ужасно одетых, в каких-то линейных платках и косынках, жалких и униженных, — было не изумиться? На пороге стояла гёттвская Гретхен, этакая «цирлих-манирлих»...

Блестящие длинные волосы (Иру еще в тюрьме за страсть к мытью прозвали «Уточкой»). Нарядное платье из ткани «Пепита», в мелкую бело-голубую клетку; белая манишка, белый воротничок, поясик с пряжкой, перламутровые пуговицы (двоюродная сестра Ганна прислала платье из Австрии, где работала переводчицей, Галине Алексеевне, а та уже переправила его в лагерь).

Правда, номер и на платье пристрочен там, где ему надлежало быть. Но даже он, ей-богу, не портит впечатления! Иначе Батенев не сидел бы словно громом оглушенный... Потом, опомнившись, он вежливо предложил девушке стул около себя (обычно зэков сажали поодаль) и начал расспрашивать о семье, о ее «Деле», о том, какво ей тут.

— На этой работе я не выживу, — честно сказала Ира. — Стадников и его люди ненавидят интеллигенцию и все сделают, чтобы мы здесь перемерли.

— А чем вы хотели бы заняться?

— Я могла бы стать нормировщицей, — призналась Ира. И подумала: если бы с этим вышло, она взяла бы к себе всех своих девчонок. Тех, конечно, что так же, как и она, не продавались за тепленькие местечки.

— Это сложная работа, — задумчиво произнес Батенев. — Придется кое-что изучить. Напишите-ка в Москву, чтобы вам прислали специаль-

ное пособие: есть такое. Ну, и на месте подучитесь... А потом придет опыт.

Они много, будто ровня, разговаривали: о жизни, о музыке, о живописи. И вдруг Батенев спросил:

— Вам хоть немного стало легче?

А потом предложил:

— Я могу переправить вашей маме письмо.

Но Ира твердо отказалась, хотя имела право писать лишь два раза в год: она не хотела никаких привилегий. И еще раз девушка сказала «нет» своему могущественному собеседнику. Когда он — по-доброму так, неназойливо, намеками, но Ира поняла, о чем речь, — попросил ее «помогать» ему в работе. Она отказалась это делать в пятнадцать лет. Отказалась и теперь, став взрослой.

— Мы здесь все в одинаковых условиях, все равны, и поэтому я даже в заключении хочу быть такой же, какой была на свободе.

Вот тогда-то Батенев сказал ей то, что Ирина Игнатьевна помнит до сих пор, считая те слова и те минуты «венцом жизни».

— Я десять лет работаю в системе лагерей. Но никогда не встречал такого честного человека, как вы!

Это свидание, посланное Ире той же звездой, что неизменно оберегает ее и поддерживает в самые критические мгновения, спасло девушку от гибели: мало что ли зэков сгнило в лагерях?

...Их выстроили как-то зимой во дворе, открыли ворота, и несколько охранников приволокли что-то на веревках, бросив перед женщинами. Вгляделись: совершенно голый мертвый мужчина. И тут кто-то из военных стал колоть очоленевшее тело штыком. Под страшные звуки хруста костей и треска раздираемого сталью ледяного мяса (а это был чей-то сын, чей-то муж!) лагерь наполнился женским плачем и стонами. Но все перекрыл сильный мужской голос:

— И так будет с каждым, кто вздумает бежать!

Ранней весной пятьдесят третьего, вскоре после смерти Сталина, Галина Алексеевна сообщила Ире, что вдруг, как огнем, вспыхнула ее любимая — засохшая было — красная герань. И сделала осторожный вывод: наступают хорошие времена. И оказалась права: семнадцатого апреля Иру, подпавшую под амнистию, выпустили из лагеря. Сбылся вещий сон: прошло ровно четыре года.

Девушка, конечно, была счастлива, но она и не предполагала, что расставание станет таким тяжелым.

...И снова все стояли во дворе. И снова открылись ворота, чтобы пропустить на волю всего двух женщин: Иру и молодую баптистку, тоже амнистированную, которая ни дня не трудилась в лагере.

— Я не могу работать на нечистую силу! — терпеливо объясняла она всем. Так ничего и не сумели с ней поделаться, хотя неоднократно истязали карцером.

Женщины стояли молча, пристально глядя вслед двум отделившимся от строя фигурам. А когда ворота стали закрываться за ними, не выдержали: завывли, закричали... Сердце у Иры чуть не разорвалось тогда от сострадания, в этот первый миг свободы. А потом бальзамом на него легли воспоминания о словах «Черного ворона» — заключенной, водившей других женщин к начальству: такая у нее была работа. Узнав, что Ира освобождается, она сказала ей:

— Я тебя очень уважаю. И ты знаешь, за что.

Клиническая смерть, но не зпилот

— Ну, с Богом! — закончив мысленную молитву, тихо сказал профессор Юдин, племянник того знаменитого Юдина, академика, тоже арестовывавшегося, и отвернулся от окна. Больная уже спала на столе под наркозом, значит, можно было начинать операцию.

Но Ирина Игнатьевна, оказывается, спала не так глубоко, как следовало бы. Поэтому от первого же прикосновения скальпеля она... умерла. Точнее, оказалась между небом и землей, как мы часто говорим. Между жизнью и смертью, когда душа расстается с телом.

Анестезиологи, услышав хрип и увидев, что женщина сначала стала желтой, а потом белой, как бумага, начали ее реанимировать. А профессор, не останавливаясь, продолжал операцию, надеясь на мастерство коллег. И они справились с ситуацией, «запустив» сердце через две минуты, не ведая, что звезда, сиявшая над головой новорожденной девочки в тот далекий «Касьянов день», в вольном городе Данциге, вновь спасла Ирину Игнатьевну.

Когда пациентка отошла от наркоза и чуть-чуть стала соображать, к ней под разными предложениями начали приходить в палату медики и задавать один и тот же вопрос: помнит ли она, что с ней было в течение этих двух роковых минут? Но она всем говорила, что не помнит, что ничего особенного не произошло — просто спала. Говорила неправду. Все равно ведь не поверили бы ее рассказу!

Вот когда Ирина Игнатьевна однажды тонула в реке Березине, в Белоруссии, когда лодка, перевернувшись, накрыла ее, у нее не перед глазами, как обычно говорят — перед ее открытыми в ужасе глазами была лишь мутная зеленая вода, — а скорее в мозгу промелькнула целая жизнь, лучшая ее часть. Будто на бешеной скорости цветной фильм показали: ей — про нее. Раньше считала, что это слова, литературный штамп. И оказалась не права. Вот об этом феномене она могла бы рассказать медикам. Но заинтересует ли он их? Как повстречалась (и попрощалась) со столькими людьми?

И с папой — таким живым, таким ласковым... И с мамой... Вот она — душистая, со сверкающей диадемой в волосах: начался правительственный прием с балом — заходит в детскую, чтобы поцеловать девочек на ночь... И с юным Фрэддом... И с Володей Товаченко, тоже снимавшимся в «Азлите» и подарившим ей ее оригинальный портрет... Ира, в облегающем точеную фигурку черном платье, отвернулась от зрителя, а сзади у нее два крыла: одно — бабочки, которая всегда обжигается, летя на яркий свет, другое — мудрой, осторожной летучей мыши... И с удивительным человеком — Зинаидой Васильевной Белых — еще раз пообщалась... Работая в комитете партийного контроля, она восстанавливала в партии реабилитированного Игнатия Петровича. А потом стала большим другом всей его семьи.

Может быть, если бы Ирина Игнатьевна знала, кто реабилитировал — без всяких просьб и заявлений — ее саму первого октября пятьдесят четвертого года (и тут номер: «Р-24896»!), эти люди тоже как-то всплыли бы в ее угасавшем сознании? Но она этого, увы, не знала.

Справку о том, что Ира ни в чем не виновата, ей принесли прямо на занятия в Ленинградское высшее художественное училище имени Мухомовой, с которым слился ее бывший институт и куда Ира поступила, вернувшись из лагеря. Как же она плакала над ней, окропив ее слезами... А ребята, ничего не понимая, утешали: «Все же хорошо! Ты же оправдана!»

«А изуродованная молодость? — хотелось спросить Ире. — А вечное

клеймо каторжанки, которое не смоешь?» Ира в этом почему-то не сомневалась. Да ребята и сами хорошо знали про недавний случай.

...Пропало в общежитии керамическое блюдо, которое сделала одна из девочек. Оно быстро было найдено в чемодане другой: вместе с женихом эта смазливая девчонка сбывала краденое у подруг. Так, когда к ней подступились с вопросом, она, не стесняясь, потому что не знала, что пропала уже найдена, нагло заявила:

— Это Ира Калина украла — она же в тюрьме за воровство сидела!

Даже после того, как девчонки отлупили мерзавку, на душе Иры легче не стало. Какой с нее, юной дуры, спрос, если даже народный художник СССР, известный скульптор, к тому же женщина, сказала об Ире, сдавшей все экзамены в «Строгановку»:

— Зачем мы будем принимать антисоветские элементы, когда у нас так много честной советской молодежи?

Екатерина Федоровна Белашова, член-корреспондент Академии художеств, лауреат Государственной премии, член институтской приемной комиссии, не слышном отличалась во взглядах от заводской мойщицы машин, по соседству с которой после окончания Мухинского училища и возвращения в Москву получила комнату молодая художница. Так вот, эта Елизавета Акимовна, уже хорошо узнав Ирину Игнатьевну, с необыкновенным рвением, по-родственному опекавшую двух ее дочек, все же с сомнением покачивала головой, когда речь заходила о репрессиях:

— У нас невиновных не тягают... Вот меня же куда не тягали?

Ну, что такому человеку — и всем подобным — возразить, если мимо них прошла, не задев ни сердце, ни ум, трагедия целой страны? Рассказать поподробнее про свою собственную судьбу? Или про Феликса Карелина, вынужденного, доказывая, что он не стукач, убить в лагере заключенного, получить новые десять лет и пять — поражение в правах, будучи вскоре оправданным «по прежнему делу (по ОСО) за отсутствием состава преступления», а позже стать... священником?

Или поведать про «Кузьму» — про Толю Бахтырева, который в лагере был тише воды, ниже травы, к удивлению отчаянной Иры, а потом, уже на свободе, не захотевшего жить и отравившегося? На его несчастье, Иван Кононов, покинувший отнюдь не по своему желанию чекистские ряды, переброшенный в милицию, оказался в одном с Толей районе, в одном отделении. И, видно, чем-то шантажировал чувствительного, с ранимой психикой человека: Бахтырев как-то намекнул Ире на это... Вскоре его не стало. А Олег Гер с его изувеченной жизнью, исковерканной любовью? А медленно сгоравший от туберкулеза Саша Александров, арестованный в один день с Ирой? Несмотря на «астеническое телосложение» и на «сухие хрипы» в легких, на «анемию», в его справке из тюремной больницы написано: «Трудоспособен».

И поехал мальчишка со своими восьмью годами вместо хорошей клиники в лагерь, спасибо, хоть в обычный. А потом оказался на Волгодонстрое, в Калачевском ИТЛ. Наверное, именно там Саше стало совсем плохо, и ему сделали искусственный пневмоторакс правого легкого, поспешив сообщить об этом в Москву. Это — уже в июле пятьдесят четвертого, когда давно не было Сталина и даже с Берией разобрались!

Вот так у нас — «не тягают невиновных»... «Тягают». Да еще как. Что потом даже на воле жить невозможно.

Нет, это все не заинтересует, конечно, медиков. Им нужно совсем другое: что было с Ириной Игнатьевной в те две минуты, когда остановилось ее сердце. Но она им так и не призналась. А было вот что.

...В полной тишине, в крошечном мраке, в общем, в небытии наркоза,

раздался чей-то хрип (оказалось — ее собственный, предсмертный), и громкий мужской голос отчетливо произнес:

— Ты стесняешься своей веры. Если ты три раза не скажешь: «Господи, я верую в тебя!» — то сейчас умрешь.

И Ирина Игнатьевна изо всех сил, как ей показалось, закричала:

— Я верую! Я верую! Я верую!

И тут же, к радости врачей, вновь забилось ее сердце.

Ирина Игнатьевна действительно верила в Нечто, именуемое в просторечии Богом. Иначе не окрестилась бы в уже весьма зрелом возрасте. Но, лежа на операционный стол, почему-то сняла с себя нательный крест и стыдливо засунула его за ремешок часов.

Наверное, и против крестика не возражали бы! Но Ирина Игнатьевна, несмотря на свое благочестие, которое, к ее удивлению, не раз замечали совершенно посторонние люди, застенялась его. И была наказана.

А она толком даже и не знает, что под этим подразумевается. Зато все знает про свою любимую... линию. Сколько та приносит волнения, тревоги, удовлетворения. Просто ли ведешь угольком или мягким карандашом по ватману... Мнешь ли глину, ощущая под пальцами текучесть формы... Кладешь ли первый акварельный мазок на волглую бумагу... Все — истинная страсть. До жара. До экстаза. Как в любви!

Художник декоративно-прикладного искусства — Ирина Игнатьевна окончила отделение по обработке металла, она к тому же прекрасный живописец, удивительно видящий цвет. Недаром всегда приходила на помощь сокурсникам, просившим ее: «А ну-ка, Ира, ударь цветом!»

А линия? Ирина Игнатьевна видит ее везде: в человеке, в природе, в предмете. Даже в лягушке с «грациозными лапками». Даже в мрачной тюремной решетке. Мир состоит из линий: тяжелых, изящных, трагичных, поющих...

199

Та необычная женщина, в Сочи, окруженная черными кошками, типичная «колдунья» (тогда не были в ходу такие термины, как «экстрасенс», «хиромант», «астролог»), изучая ладонь Ирины Игнатьевны, воскликнула:

— Вас хотели убить! Но не убили... Теперь вы должны торжествовать. Вы должны быть над всеми.

Помолчала, пристально рассматривая паутинки линий на руке посетительницы. Потом четко рассказала Ирине Игнатьевне обо всех этапах ее жизни:

— Ваши страдания начались примерно в двадцать лет и длились лет пять...

«Они длятся всю жизнь!» — хотелось поправить женщину Ирине Игнатьевне. Это несмотря на веселый нрав и неизбывный оптимизм. Один знакомый сказал про нее: «Сначала появляется улыбка, потом Калина». И все же в ее словах-мыслях много горькой правды. Двадцатилетние девчонки влюблялись, выходили замуж, рожали детей — самый же возраст! — а она сидела в тюрьме, вкалывала за колючей проволокой. А затем, уже на свободе, то догоняла своих ровесниц, то перегоняла. Прямо как смешной Простак из диснеевской «Белоснежки», который никак не мог попасть в ногу с остальными гномами...

Потом «колдунья» сказала то, о чем догадывалась сама Ирина Игнатьевна и что подтвердили годы:

— Линия вашей судьбы не совпадает с линией жизни.

Увы, это так: на скрижалях было начертано одно, в реальности, в нашей советской реальности, происходило совсем другое.

Но если такое «раздвоение», не от нее зависящее, Ирина Игнатьевна не в силах преодолеть, то соединить линию судьбы, творческую линию

с линией поведения ей вполне доступно, что она постоянно и делает. В «Мемориале» тоже, неутомимо рассказывая о своей семье, в которой из четырех человек было репрессировано трое.

Но и он не вся жизнь Ирины Игнатъевны, девочки, которая боялась потеряться и, точно, не убереглась, исчезла на несколько лет из нормальной жизни.

Зато потом она уже ничего не боялась — ни голода, ни холода: все мерила тюрьмой, на все смотрела через тюрьму. Что может быть страшнее несвободы? Что еще способно огорчить или испугать? Так благодаря ГУЛАГу Ирина Игнатъевна стала бесстрашным человеком.

Она, долго не думая, взялась за непосильную для женщины работу: с железом, например. (Хотя что это в сравнении с кувалдой или отбойным молотком?) Одно из ее любимых детищ — каминный экран, в центре которого, подсвеченная пламенем дров, сидит совсем живая сова. Как хотел заполнить ту решетку очень большой руководитель! Художнице сказали об этом, намекнув, что тогда изменится вся ее жизнь: сразу же в МОСХ примут.

Но Ирина Игнатъевна снова категорически сказала «нет». Как говорила уже много раз: она никогда не улучшала и не облегчала свою жизнь таким образом. И не собирается изменять этой линии своей жизни.

Вернувшись после учебы из Ленинграда в Москву, она очень увлеклась спортом (надо было поправлять здоровье) и хорошо наладила его в комбинате прикладного искусства художественного фонда РСФСР, где стала работать. Его спортсмены — спартаковцы — всегда участвовали в парадах на Красной площади, а Ирина Игнатъевна, председатель совета физкультуры, постоянно была правофланговой.

И вот однажды она увидела свой портрет, во весь рост, сделанный фотокорреспондентом Длугачем, в витрине АПН. В красном спортивном костюме, в шапочке с помпоном, Ира победно держала над головой наш спутник с пучком антенн. Интересно, что бы сказали на это Звериков и Стадников? Или Иван Кононов, входящий в сделанный мной список из двадцати двух человек (посчитала, не поленилась), так или иначе «тягавших» Ирину Игнатъевну?

Именно столько людей были причастны к ее аресту, следствию, содержанию в тюрьмах. Кто-то обыскивал... Кто-то допрашивал... Кто-то «утверждал» и «соглашался»... И так далее. От министра до канцеляриста, до самых мелких сошек, но тоже оставивших свои подписи в «Деле». Она одна. А их двадцать два! И все — мужики...

Но вынесла, «не скурвилась» — думаю, здесь позволительно употребить вполне уместное для темы выражение. Зная о вихрящихся вокруг Калины — молодежкой, яркой, состоявшейся наперекор всему и в творческом плане — сплетнях, я с особым тщанием анализировала ее «Дело», все официальные бумаги, малейшие изгибы ее пути. И утверждаю: она действительно сохранила душу и тело в чистоте. Лазерный цветок Левы Премирова, к которому не пристала никакая грязь!

А главное, сохранила удивительную способность радоваться каждому дню, подарку судьбы, пусть и не совпадающей у нее с жизнью, и радовать других. Тоненькая инопланетянка, в прозрачной, развевающейся на ветру тунике, с трогательным хвостиком волос, торчащим на темени в золотом цилиндрике...

— Надо вон ту марсианочку украсть! — шутили актеры на съемках «Аэлиты», наблюдая, как самозабвенно танцует молодая женщина на площади придуманного Алексеем Толстым города Соацера.

Но с этим могли бы справиться лишь два человека: капитаны Колцов и Моисеев. Которые — с другой планеты, с другой площади... Простым смертным увести Ирину Калину против ее желания не было дано.

ШКАТУЛКА, ПЕРЕБРОШЕННАЯ ЧЕРЕЗ ЗАБОР*

ЕЛЕНА РАЧЕВА, АННА АРТЕМЬЕВА

Рубрика: «История»

«58-я. Неизъятые» Ирина Калина.

1950-й — приговор: пять лет исправительно-трудовых работ. Этапирована в Степлаг (Карагандинская область). Все время заключения провела на общих работах (в основном на строительстве города Балхаш). Из-за частого заключения в БУР (барак усиленного режима) за невыполнение нормы работ и нарушения режима получила дистрофию первой степени.

Статья 58 Уголовного кодекса РСФСР (обвинение):

Статья 58–10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти...

Статья 58–11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений.

Зора-Ирина Игнатьевна Калина:

Родилась в 1930 году в Данциге (тогда — вольном городе под управлением Лиги Наций), где ее отец был генеральным консулом.

В 1937-м отца Ирины, тогда — министра иностранных дел Белоруссии Игнатия Калину — арестовали по обвинению в шпионаже. Следом за ним как жена «врага народа» была арестована ее мать. Игнатий Калина умер в тюремной

* <http://www.novayagazeta.ru/apps/gulag/54588.html>

больнице до вынесения приговора, поэтому дело против его жены было закрыто, и она вышла на свободу после 11 месяцев в следственной тюрьме.

Январь 1949-го — Ирина, студентка первого курса Московского художественного института, вместе с пятью друзьями арестована по обвинению в антисоветской агитации. Следствие шло в Лефортовской тюрьме.

1950-й — приговор: пять лет исправительно-трудовых работ. Этапирована в Степлаг (Карагандинская область). Все время заключения провела на общих работах (в основном на строительстве города Балхаш). Из-за частого заключения в БУР (барак усиленного режима) за невыполнение нормы работ и нарушения режима получила дистрофию первой степени.

Апрель 1953-го — освобождена по амнистии для заключенных со сроком до пяти лет. Вернулась в Москву.

Работала промышленным дизайнером. Живет в Москве.

Эту шкатулку сделал лагерный художник Лева Премиров. А я лагерным художником не стала, потому что отказалась заниматься доношением.

Меня арестовали на первом курсе художественного института и в лагере привели к Леве, чтобы он проверил, правда ли я умею рисовать. Так мы и познакомились, а больше не виделись ни разу. Но наши зоны были рядом, и Лева через забор передавал мне записочки, подарки. И эту шкатулку тоже.

Красивая, правда? Внутри он написал монограмму: «Л» — Лева — и «И» — Ирина. И нарисовал золотой локон, как будто прядь моих волос.

Лева очень долго сидел, лет 15. Не знаю, за что (*в 1934 году художника Льва Премирова осудили на шесть лет за контрреволюционную деятельность, а перед окончанием срока — еще на десять за «клевету на Советское правительство».* — Е. Р.). У него не было зубов — все выбиты. Большие голубые глаза... И он в меня влюбился, бедненький. Когда освободился, приехал к маме делать мне предложение. Сказал: «Ваша дочь

пила воду без сахара. А я бы ей все дал». Но мама ему отказала. И я бы отказала. Я его совсем не любила, хотя наша переписка очень меня поддерживала. Он писал о музыке, литературе, очень образованный был. Перебрасывал письма, представьте себе, метра через три проволоки.

Когда нас ловили, меня сажали в карцер. Начальник режима Лебедев хорошо ко мне относился, но говорил: «Если вы будете переписываться — я вас буду сажать».

— А я буду, — говорю. — Это моя духовная жизнь, я нуждаюсь в этом. Вы понимаете, что такое духовная жизнь?

— Но этот ваш Лева — он же старик!.. — говорит.

Лебедеву я искренне нравилась, все-таки юная... Ему тоже хотелось каких-то отношений, но связь с заключенным — это статья, восемь лет!

И вот посадит меня в карцер, сижу... А он приходит, садится рядом и говорит: «Наверное, если бы вы были на свободе, вы бы со мной и не поздоровались».

...Я была дочерью дипломата. Когда папу арестовали, он работал министром иностранных дел Белоруссии. Забирали его, слава богу, не дома. Он был в командировке в Москве, в служебной квартире. Мама потом пришла туда, видит: в шкафу все лучшие костюмы — он нам их оставил, кресло папино и сигарета недокуренная в пепельнице. Мама упала около этого кресла — и плакала, плакала...

Когда пришли за мамой, я уже понимала, что такое арест, и тоже заплакала. Схватила маму обеими руками за ноги, обняла крепко... Человек, который ее уводил, погладил меня по голове, сказал: «Девочка, не плачь, твоя мама завтра вернется». Я сразу ее отпустила.

Маленькая я думала, что маму забрали ради ее платьев. У нее были очень красивые туалеты. Одно такое черное, бархатное. Под грудью ромб — как бы пряжка, и на груди что-то такое сверкающее... Вот эти платья эмгэбэшники для своих жен и взяли, хотя те их и надеть-то не могли, у мамы талия тонюсенькая была.

Сидела мама всего 11 месяцев, ее выпустили, когда папа погиб. Нам написали, что он умер от холода в тюрьме, но я думаю... я думаю, папа сам себя задушил, чтобы маму освободили.

В 80-е я попросила следователя Якушева показать мне дело папы. Он сказал: «Вот дело. Вы просили — я принес. Но я вас прошу: пожалуйста, не читайте. Если прочтете — вы не сможете больше ни спать, ни есть». И я не стала.

Меня арестовали вместе с друзьями, в КГБ это называлось «группа». Из девочек взяли меня одну. Просто я была дочь врага народа, остальные — нет. В моем деле написано: «Порицала советские законы». На самом деле я сказала: это неправильно, когда в школах мальчики учатся отдельно от девочек. Больше ничего про советские законы в деле нет.

Приговор объявлял начальник тюрьмы. Зачитывал красиво так, официально, с выражением: пять лет исправительно-трудовых работ.

Я была в таком отчаянии! А охранник говорит: «Ой, повезло тебе! Пять лет — это детский срок». Оказывается, в тот год всем давали по 25.

В лагере я плакала только ночью, чтобы не видели. Отчаяния, от того, что оторвана от всего, что любила. Знаете, что страшно? Выброшенность. Из семьи, из Москвы. Ты не знаешь, что с тобой будет, твоя жизнь абсолютно тебе не принадлежит, ты всеми презираемый человек...

Когда Сталин умер, я одна только вышла, у остальных сроки большие были. И когда открыли лагерные ворота... ой, как тяжело! Все женщины закричали, заплакали. И ворота захлопнулись. Такое тяжелое чувство: ты выходишь, а все остаются и кричат...

Когда уже вернулась в Москву, вдруг вызывают в КГБ на Лубянку. Идти я отказалась. Они говорят: «Да мы вам реабилитацию готовим, приходите». — «Ничего мне не нужно, — отвечаю. — Я ничего не хочу».

Потом, когда меня все-таки заставили... ну как это страшно! Идешь — узкий коридор, весь в коврах. Никто, конечно, ничего плохого тебе не делает, но все равно кажется, что никогда больше из этого подъезда не выйдешь.

Знаете, за КГБ большой гастроном есть? Я когда освободилась, иногда так делала. Заходила туда, покупала хлеб. Стояла, жевала, смотрела в окно на Лубянку. Разглядывала молодых и думала: какие они счастливые! Ничего-то они не пережили и не видели. И еще думала: какая же я счастливая! Ведь могла и не вернуться.

Хотя знаете... Я иногда завидую тем, кто через это не прошел.

Примечания Виктора Снитковского к статье из «Новой газеты»:

Эти примечания связаны с тем, что Ирина Калина рассказывая о своем отце, называла его «русским дворянином». Мне это понятно, ибо в Советском Союзе, где до прихода к власти М. Горбачева процветал государственный антисемитизм, быть дочерью еврея было некомфортно. Ниже привожу справочные данные об отце моей героини.

Биография Игнатия Калины — из «*Справочника по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991*» <http://www.knowbysight.info/KKK/03623.asp>

Калина Игнатий Петрович

18.12.1884 Родился в Климонтове Радомской губернии
29.7.1938 умер в Минской тюрьме
1902–1917 член «Бунда»
член РКП(б)

Образование: окончил медицинский факультет
университета в Швейцарии

Послужной список:

один из основоположников «Красного Креста»
преподаватель Московского медицинского училища

- 1926 1-й секретарь Полномочного представительства СССР в Чехословакии
1929 1-й секретарь Полномочного представительства СССР в Австрии
1929 поверенный в делах СССР в Австрии
1929 генеральный консул СССР в Данциге
Уполномоченный НКВД СССР
1933–1935 Уполномоченный НКВД СССР при СНК Украинской ССР
1935 Уполномоченный НКВД СССР при СНК Белорусской ССР
18.12.1937 Арестован

Польская страница Википедии (http://pl.wikipedia.org/wiki/Konsulat_Generalny_Rosji_w_Gda%C5%84sku), посвященная российским консулам в Данциге показывает, что настоящей фамилией И. Г. Калины была Эйзенбух:

1926–1933 — dr Ignatij Kalina (Калина Игнатий Петрович, Эйзенбух), konsul generalny (1884–1938)

Сайт Российской Еврейской энциклопедии, местечко КЛИМОНТУВ:

<http://www.rujen.ru/index.php/%D0%9A%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%83%D0%B2>

Игнатий Петрович Калина (наст. фам. Эйзенбух) (1884–?), врач, дипломат... в 1926–33 — ген. консул СССР в Данциге, репрессирован; Станислав Петрович Калина (наст. фам. Эйзенбух), дипломат, брат И. П. Калины, в 1921–29 — на дипломатич. работе в Германии, Эстонии, Австрии.

Более полно о месте, где родился Игнатий Калина с сайта Российской Еврейской энциклопедии:

КЛИМОНТУВ, деревня в Подкарпатском воеводстве (Республика Польша). Изв. с XIII в. В XVI–XVIII вв. — город Сандомирского повета и воеводства в составе Речи Посполитой. В 1795–1807 — в составе Пруссии, в 1807–15 — Вел. герцогства

Варшавского. С 1815 — в составе Рос. империи, с 1844 — посад Климонтов Сандомирского у. Радомской губ. В 1765 в К. проживало 858 евреев, в 1856–1096 (64,3%), в 1897–2443 (71,7%), в 1921 — ок. 3500 евреев. В 1656 еврейская община К. пострадала от бесчинств отрядов С. Чернецкого. В 1823–62 К. был закрыт для свободного поселения евреев. В 1870–90-х гг. раввином в К. был Меер-Шая Гелерентер, с 1901 — Симха Гелерентер (1872 —?), с 1914 — Иосек Унгер. В 1920–30-х гг. в К. действовали отд-ния разл. еврейских партий и орг-ций. В июне 1942 в К. было создано гетто, в к-ром содержалось более 4 тыс. евреев К. и окрестных нас. пунктов. В окт. — нояб. 1942 гетто было ликвидировано; при ликвидации ок. 4 тыс. чел. были отправлены в Трeблинку и ок. 300 — в гетто Сандомира.

ЭПИЛОГ

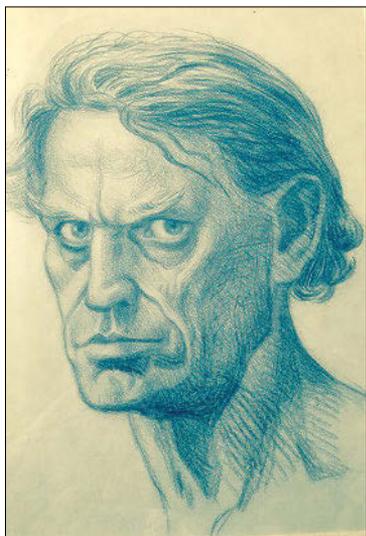
Уважаемый читатель! Перед тобой судьбы двух политических заключенных преступного сталинского режима — художников Льва Премирова и Ирины Калины. Оба прошли ГУЛАГ, но выжили. Первого долго ломали, сломали здоровье, но не дух. Ирину Калину, к счастью, за менее длительный, чем у Премирова срок, не успели столь сильно физически покалечить. Он и она потеряли от рук сталинских бандитов отцов. А ведь только в годы «Большого террора» (1937–1938 гг.) расстреляли почти миллион невинных людей. Почти три четверти века в СССР по вине большевиков свирепствовали голод, муки и смерть — от Октябрьского переворота, Гражданской войны, «Красного террора», «Раскулачивания» и агрессивных войн с целью разжечь «Мировую революцию». Потом были «Коллективизация» с «Голодоморами» в Казахстане и Украине, «Большой террор», «Зимняя война» против Финляндии, раздел Польши совместно с фашистской Германией, война с Германией, военный и послевоенный голод, «Ленинградское дело», компании борьбы с «вейсманизмом-морганизмом» и «безродным космополитизмом», война в Корее. Впрочем, и после смерти Сталина, «вожди» КПСС не давали «скучать» советским гражданам, спровоцировав «Кубинский кризис», войны во Вьетнаме и Конго, вторжение в Афганистан и многое другое. Увы, с начала XXI века нищая Россия снова стала захватывать земли соседних стран, героизировать сталинский режим и уничтожать едва зародившиеся в стране «свободу слова» и «права человека», сотрудничать с террористическими режимами.

Как мне стало известно перед самым выходом книги, жизнь Ирины Калины закончилась трагически — она погибла во время пожара в своей квартире.

ФОТОМАТЕРИАЛЫ

Лев Премиров.
Автопортрет 1,
наиболее ранний

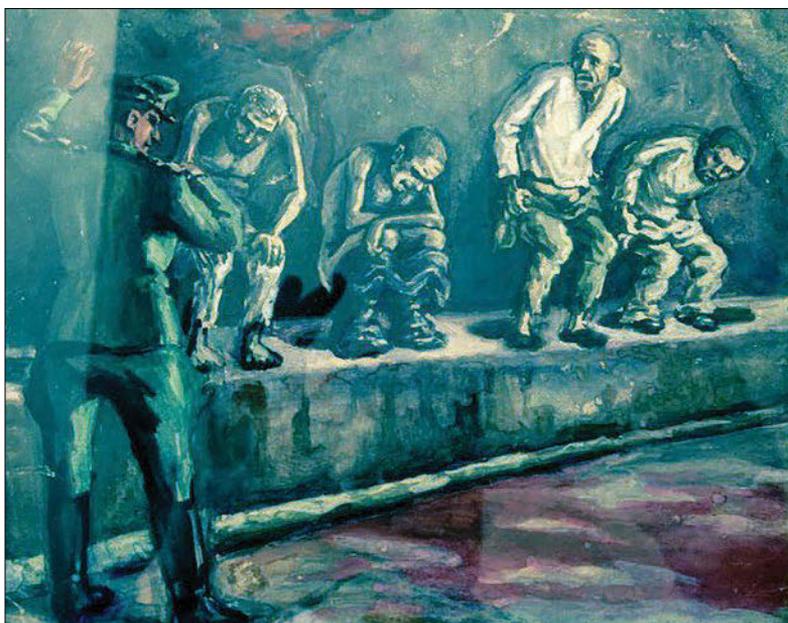
Лев Премиров. Автопортрет 2

Лев Премиров. Автопортрет 3

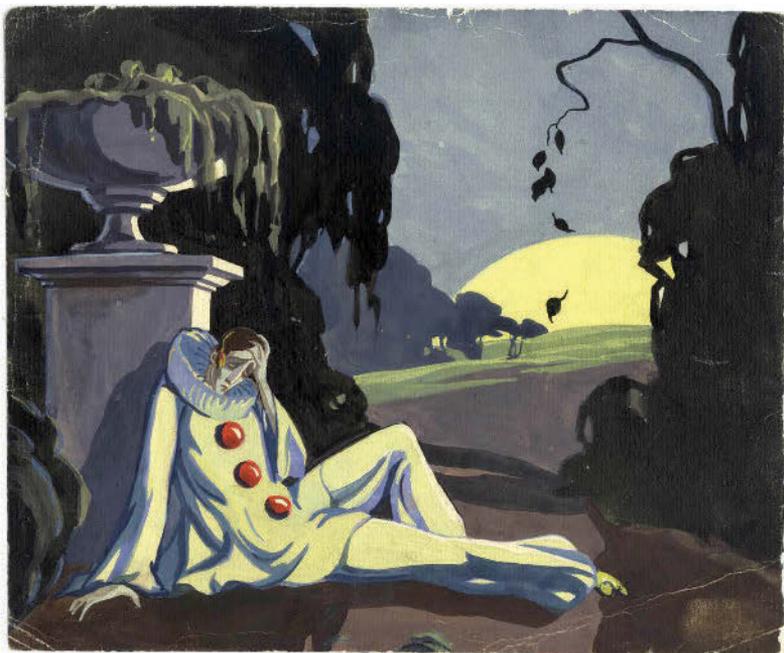
*Оригиналы работ Льва Премирова (стр. 92–93)
находятся в Караганде (Казахстан)*

Лев Премиров. ИСХОД

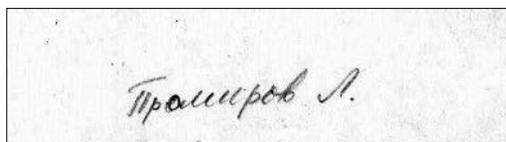

Лев Премиров. ВРЕМЯ НА ИСХОДЕ

*Фотографии и фотокопии работ Л. Премирова
из коллекции В. Снитковского (стр. 94–103)*

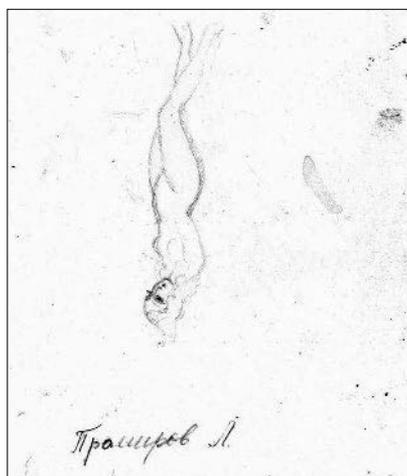
Лев Премиров. АРЛЕКИНО, лагерный рисунок

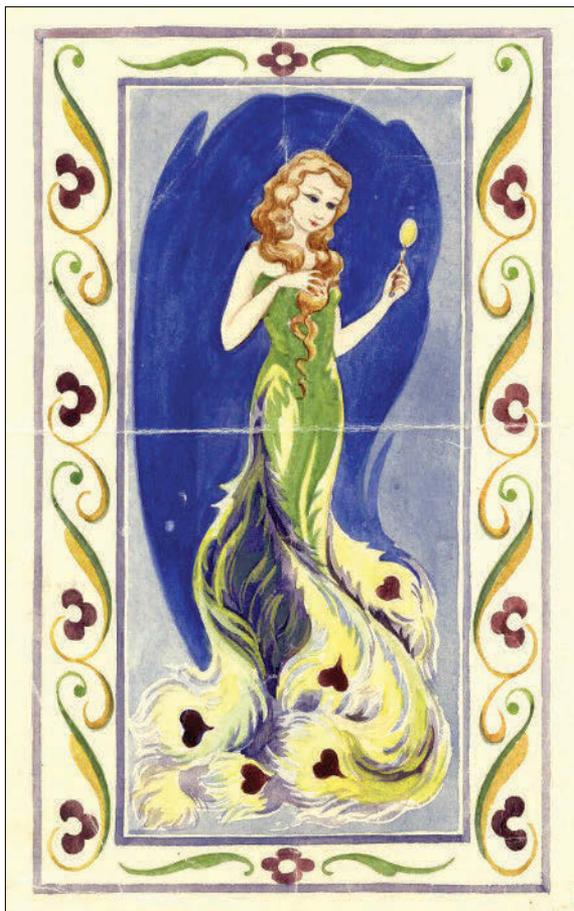
Подпись Л. Премирова на обороте работы

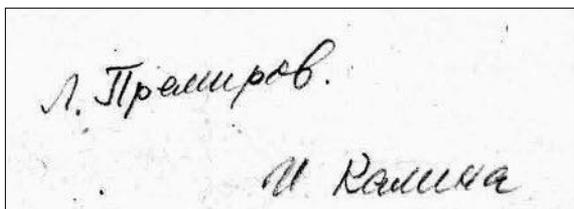
Лев Премиров. ИРИНА КАЛИНА С АРЛЕКИНОМ, лагерный рисунок

Лев Премиров. Карандашный набросок и подпись на обороте

Лев Премиров. ИРИНА КАЛИНА, лагерный рисунок

Лев Премиров. Название работы
и подпись на обороте

Лев Премиров.
ИРИНА КАЛИНА С ЧЕРТОМ,
лагерный рисунок

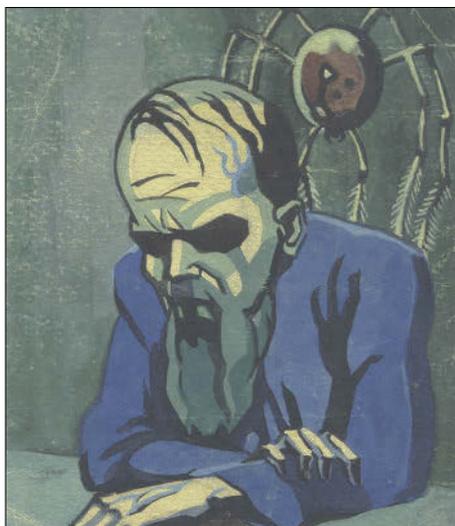

Лев Премиров.
ИРИНА КАЛИНА, лагерный рисунок

Лев Премиров.
Лагерный рисунок

Лев Премиров. Подпись на
обороте лагерного рисунка

1933 г. Ирине Калине (справа) 5 лет.
В центре ее мать, слева – сестра.

Игнатий Петрович Калина
(1884–1938)
Замучен в застенках НКВД

«Советский народ ликует в день запуска первого
спутника Земли» (Фото Длугача, ТАСС, 1957 г.)
В кадре – Ирина Калина, в недавнем прошлом
узница каторжного лагеря «Степлаг»

Ирина Калина в разные годы

...Она так гордилась своим телом, которое описал Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ»

Ирина Калина в роли марсианки на съемках телевизионного фильма «Пой, Аэлита» 1970 г.

Лев Премирова. ШКАТУЛКА, лагерный подарок Ирине Калине

Ирина Калина
(справа) на выставке.
1990 г.

Ирина Калина в день
семидесятилетия.
1998 г.

Ирина Калина (год неизвестен)

Ирина Калина. 2012 г.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ

ҚАРАҒАНДЫ «БОЛАШАҚ»
УНИВЕРСИТЕТІ
Жеке меншік мекемесі

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН

Частное учреждение
«КАРАГАНДИНСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «БОЛАШАҚ»

REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
Private institution KARAGANDA "BOLASHAK" UNIVERSITY

100008, Караганда қаласы, Ерубаса көшесі, 16
Тел: +7(7212)420425, Факс: +7(7212)420421
e-mail: ku_bolashak@mail.ru

100008, город Караганда, улица Ерубасова, 16
Тел: +7(7212)420425, Факс: +7(7212) 420421
e-mail: ku_bolashak@mail.ru

15.06.2015, № 01/119

Председателю Бостонского
историко-просветительского
общества «Мемориал»
г-ну Виктору Снитковскому

Уважаемый Виктор!

Ректорат Карагандинского университета «Болашақ», продолжая сотрудничество с обществом «Мемориал», передает в дар книгу, выпущенную в рамках научно-исследовательского проекта, «Карлаг: память во имя будущего», возглавляемого член-корреспондентом АН РК, профессором, д.ю.н. Н.О. Дулатбековым:

1. Карлагтың қара қарындашымен...Зерттеудің жалғасы=Черным карандашом Карлага...Продолжение исследования=Karlag in Black Pencil, 2015.

Просим подтвердить получение в дар вышеуказанного издания.

С уважением,
Ректор КУ «Болашақ»
к.ф.н., проф.

К.Н. Менлибаев

Исп.: зав. библиотекой КУ «Болашақ»
Г.О. Каппасова
тел: тел.: +7(7212)420-425 (060)
e-mail: lib_bolashak@mail.ru

Письмо автору из Карагандинского Университета. 2015 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Документальный фильм об Ирине Калине

«Политкаторжанка СХ-365», режиссер Виктор Голувинов.

Жертвы сталинского ГУЛАГА в фильме Виктора Голувинова. В середине 2000-х годов в России был снят фильм «Политкаторжанка СХ-365» — о трагической судьбе Ирины Игнатьевны Калины — героини «Архипелага ГУЛАГа» А. Солженицына. В 21 год она была репрессирована и отсидела.

Published on Jan 7, 2016

https://www.youtube.com/watch?v=8y2DN_RQR5M

Интернетные сайты, посвященные КАРЛАГУ и адреса аннотаций к литературе:

<http://karlag.kz/>

<http://karlagmuseum.kz/>

<http://yvision.kz/post/377058>

<http://www.myshared.ru/slide/979115/>

Абатурова Валерия, Крапова Юлия «О времени... О жизни...

О судьбе... Степлаг (история в лицах)»

<http://en.calameo.com/read/00179884449648a40c783>

(Тамара Григорьева из серии «Судьбы, связанные с Балхашом»,

книга «Люди искусства — таланты Балхаша», стр. 20–21 о Льве

Премирове).

<http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/>

<http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/pointers/lager.htm>

<http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/r3/r3-190.htm>

<http://www.memo.ru/links/links22.htm>

<http://lib.memo.ru/biblio/ca>

<http://lib.memo.ru/b/43.html>
<http://lib.memo.ru/b/597.html>
<http://lib.memo.ru/b/659.html>
<http://lib.memo.ru/b/3384.html>
<http://lib.memo.ru/b/3787.html>
<http://lib.memo.ru/b/3828.html>
<http://lib.memo.ru/b/3829.html>
<http://lib.memo.ru/b/3788.html>
<http://lib.memo.ru/b/5602.html>
<http://lib.memo.ru/b/6309.html>
<http://lib.memo.ru/b/6365.html>
<http://lib.memo.ru/b/7392.html>
<http://lib.memo.ru/b/8444.html>
<http://lib.memo.ru/b/8638.html>
<http://lib.memo.ru/b/11261.html>
<http://lib.memo.ru/b/13099.html>
<http://www.library.kubolashak.kz/?&mm=04&yу=2016&l=Rus&r=168>
(Книги проекта «КАРЛАГ. Память во имя будущего»)
<http://istpamyat.ru/diskussii-ocenka-novosti/issledovaniya/arkhipelag-karlag/>
<http://news.allinfo.kz/photo/4492/>
<http://ehorussia.com/forum/showthread.php?t=1686>
http://rus.azattyq.org/a/GULAG_closed_50_years_ago/1938789.html

**Литература по истории политических репрессий,
посвященная КАРЛАГУ:**

КАРЛАГ, издание Карагандинского университета «Болашак» (Казахстан) на трех языках (казах., русск., англ., Караганда, 2012, раздел «Художники», стр. 411–436 (Премиров, стр. 424).

Акмола: Энциклопедия, 1995 г. Алмаатинский областной государственный архив и его филиалы: Путеводитель Т. 1 (1917–1998 гг.) 2001 г. Алматы: Энциклопедия, 1996 г. Альтернативные санкции в российской уголовной юсти-

- ции: Сборник материалов междунар. конф., Москва — Виноградovo, 5–7 июня 2003 г., 2003 г. Альтернативы тюремному заключению в Республике Казахстан: Материалы междунар. конф., 27–30 окт. 1999 г., Алматы, 2000
- Архив Президента Республики Казахстан: Путеводитель, 2001 г.
- Белов И. Ю., Фомичев С. Р.* «Зеленая библиография»: Периодические экологические издания Северной Евразии, 1996 г. В движении добровольном и вынужденном: Постсоветские миграции в Евразии, 1999 г.
- Геворкян А. С.* Три страны — три мифа: социально-экономические и политические трансформации Казахстана, Грузии, Украины (опыт социологического анализа). 2008 г.
- Даирова А. М.* Исламский фактор в политических процессах Казахстана, 2005 Евразия: Люди и мифы, 2003 г. Евроазиатский еврейский ежегодник, 5766 (2005/2006), 2006 г. Евроазиатский еврейский ежегодник, 5767 (2006/2007), 2007 г. Евроазиатский еврейский ежегодник, 5768 (2007/2008), 2008 г. Евроазиатский еврейский ежегодник, 5770 (2008/2009), 2009 г. Ертисбаев Е. Казахстан и Назарбаев: логика перемен. 2001 г. Ислам на постсоветском пространстве: Взгляд изнутри, 2001 г. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.), 1993 г.
- Константинов С. В., Ушаков А. И.* История после истории: Образы России на постсоветском пространстве, 2001 г.
- Маркедонов С.* Турбулентная Евразия: межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства, 2010 г. Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад, 2002 г. Миграции в трансформирующемся обществе: Аннотированный библиографический указатель литературы, изданной в странах СНГ, 1992–1999 гг., 2000 г. Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: Причины, последствия,

- перспективы, 1996 г. Национализм в поздней и посткоммунистической Европе Т, 2: Национализм в национальных государствах, 2010 г. Национальные истории в советском и постсоветских государствах, 1999 г. О реабилитации жертв массовых политических репрессий: Сб. нормат.-правовых актов 1997 г.
- Олкотт М. Б.* Казахстан: непройденный путь, 2003 г. Определение статуса беженца: Стандарт доказательства, работа с лицами, ищущими убежище, без документов, удостоверяющих личность: Материалы семинара, проведенного в рамках деятельности Рабочей группы неправительственных организаций по законодательству и защите прав беженцев, Прага, 3–4 дек. 1999 г., 2000 г. Полоскова Т. В. Диаспоры в системе международных связей, 1998 г. Россия и Казахстан: проблемы истории (XX - начало XXI века), 2006 г. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий: В 2-х ч., 1999 г.
<http://lib.memo.ru/b/597.html>
- Свиридов А.* Современный Казахстан: двадцать лет общественной мысли, 2006 г.
- Табышалиева А.* Отражение во времени: (Заметки к истории положения женщин Центральной Азии), 1998 г. Туркмесхетинцы: Интеграция, репатриация, эмиграция, 2007 г. 2007
- Фокин Н. И.* Финал трагедии: Уральские казаки в XX веке: Ист.-краевед. очерк 1996 г. Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути»: Материалы XII международной конференции. Москва, 18–20 сентября 2008 г., 2009 г. Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана 1996 г.
- Карлаг в 40-х годах // Советские архивы. — 1991. — № 6. — С. 30–46
- Ратавин Ф.* Архипелаг Карлаг. // Собеседник. 1989. — № 25. — С. 16–17

Елеуханова С. В. История Карлага: охрана, режим и условия содержания заключенных (1930–1956 гг.) Автореферат дис. канд. ист. наук. — Караганда, 2009

Рогинский А. Б., Даниэль А. Ю. «Аресту подлежат жены». Текст. *А. Б. Рогинский, А. Ю. Даниэль // Узницы «АЛЖИРА»: Список женщин-заключенных Акмолинского и других отделений Карлага./Сост.: В. М. Гринев, В. В. Горецкий, Г. Н. Карсакова и др.-М.: Звенья, 2003. 567 с.*

Кузьмин С., Иванова Е. Продукты для Карлага //Преступление и наказание. 1996. — К 12. — С. 24–29.

Е. Кузнецова. Книги о Карлаге: «Карлаг По Обе Стороны Колючки», «Карлаг. Меченые Одной Метой».

Статьи Виктора Снитковского по вопросам политических репрессий в СССР:

1. «К нашим читателям», газета «Казахстанская правда», Алма-Ата, 30 апр. 1989 г.
2. «Адилет» против сталинизма», респ. газета «Ленинская смена», 5 авг. 1989 г.
3. «Номер СХ-365», Казахстанский республиканский еженедельник «Горизонт» (далее: «респ. еженедельник «Горизонт»), Алма-Ата, 17 февр., 1990 г., стр. 8–9.
4. «В лагерь за любовь», респ. еженедельник «Горизонт», 10 марта., 1990 г., стр. 8.
5. «Безумство храбрых», респ. еженедельник «Горизонт», 31 марта, 1990 г., стр. 9.
6. «Безумство храбрых», перепечатка статьи из «Горизонта» в газете «Искра», Инта, Коми АССР, 18 авг. 1990 г., стр. 6.
7. «Экспрес «Западная граница — Казахстан», респ. еженедельник «Горизонт», 31 марта, 1990 г., стр. 9.
8. «Сталин, как главная женщина социализма», респ. еженедельник «Горизонт», 23 июня 1990 г., стр. 9.
9. «Патефон от вождя», респ. еженедельник «Горизонт», 30 июня 1990 г., стр. 10

10. «Знал бы Гете», респ. еженедельник «Горизонт», 7 июля 1990 г., стр. 10.
11. «Такой социализм стоит слезы ребенка?», респ. газета «Ленинская смена», 11 июля 1990 г., стр. 4.
12. «Открытое письмо генералу Мокашову», 4 авг. 1990 г., стр. 8.
13. «Налево пойдешь — к королю попадешь. Направо пойдешь — в КАРЛАГ попадешь», респ. еженедельник «Горизонт», 29 сент. 1990 г., стр. 10.
14. «Есть ли у нас политические?», респ. еженедельник «Горизонт», 6 окт. 1990 г., стр. 9
15. «Дома на костях», респ. еженедельник «Горизонт», 20 окт. 1990 г., стр. 8.
16. «Больница или тюрьма», респ. еженедельник «Горизонт», 27 окт., 1990 г., стр. 10.
17. «Свобода совести с конфискацией имущества», респ. еженедельник «Горизонт», 10 нояб., 1990 г., стр. 10.
18. «Где вы, барон Валленберг?», респ. еженедельник «Горизонт», 24 нояб. 1990 г., стр. 9.
19. «Американская Хельсинская группа в Алма-Ате», респ. еженедельник «Горизонт», 8 дек. 1990 г., стр. 5.
20. «Ужин с видом на Гималаи», респ. еженедельник «Горизонт», 12 янв. 1991 г., стр. 10.
21. «Реакция не пройдет», респ. еженедельник «Горизонт», 26 янв. 1991 г., стр. 1.
22. «Есть ли у нас политические. Больница или тюрьма?», респ. еженедельник «Горизонт», 2 февр. 1991 г., стр. 9.
23. «Дом на крови», респ. еженедельник «Горизонт», 9 февр. 1991 г., стр. 8.
24. «Возможны варианты. Будет ли в Алма-Ате мемориал жертвам голода и репрессий», респ. еженедельник «Горизонт», 23 февр. 1991 г., стр. 8.
25. «Остарбайтеры, отзовитесь!», респ. еженедельник «Горизонт», 16 марта. 1991 г., стр. 9.
26. «Шаг к диалогу или попытка приручить?», респ. еженедельник «Горизонт», 13 апреля. 1991 г., стр. 3.

27. «56 дней в камере смертников», респ. еженедельник «Горизонт», 11 мая. 1991 г., стр. 8.
28. «Вещественные доказательства», респ. еженедельник «Горизонт», 11 мая. 1991 г., стр. 9.
29. «Крепостной театр», респ. еженедельник «Горизонт», 8 июня. 1991 г., стр. 9.
30. «Любовь и судьба», респ. еженедельник «Горизонт», 20 июля. 1991 г., стр. 8.
31. «Как строился «дом на крови», респ. еженедельник «Горизонт», 17 авг. 1991 г., стр. 8.
32. «Голодать с компартией или жить по-человечески», Казахстанский независимый общественно-политический еженедельник «Единение-Бірлесу», № 27, 30 авг. 1991 г., стр. 8.
33. «СЕКС при социализме», незав. общ.-полит. еженедельник «Единение-Бірлесу», № 28, 6 сент., 1991 г., стр. 6.
34. «Конференция «Адилета», респ. еженедельник «Горизонт», 7 сент. 1991 г.
35. «Его пример — другим наука», незав. общ.-полит. еженедельник «Единение-Бірлесу», № 31, 27 сент. 1991 г., стр. 4.
36. «Партаппаратчик ищет работу», Российская респ. женедельная газета «Демократическая Россия», № 28, 4–11 окт. 1991 г., стр. 2.
37. «Как шили дела», незав. общ.-полит. еженедельник «Единение-Бірлесу», № 34, 18 окт. 1991 г., стр. 6.
38. «Крепостничество в Алма-Ате», незав. общ.-полит. еженедельник «Единение-Бірлесу», № 35, 25 окт. 1991 г., стр. 6.
39. «ПРАВДА — в сейфе под замком», респ. еженедельник «Горизонт», 26 окт. 1991 г., стр. 10.
40. «Роща или парк отдыха», респ. газета «Советы Казахстана», 31 окт. 1991 г.
41. «Ода на учредительное собрание «Демократического конгресса», незав. общ.-полит. еженедельник «Единение-Бірлесу», № 36, 1 нояб. 1991 г., стр. 4.

42. «401-й способ Компартии», незав. общ.-полит. еженедельник «Единение-Бірлесу», № 39, 29 нояб. 1991 г., стр. 7.
43. «Грабеж церквей и мечетей — грабеж душ, истории и культуры», респ. еженедельник «Горизонт», 4–10 янв. 1992 г., стр. 4.
44. «Пироги печет... партократ», незав. общ.-полит. еженедельник «Единение-Бірлесу», № 11, март 1991 г.
45. «Якутский «Мемориал» стирает белые пятна в судьбах казахстанцев», респ. газета «Казахстанская правда», 25 февр. 1992 г.
46. «С кем братья за руки?», газета «Вечерняя Алма-Ата», 17 марта 1992 г.
47. «Рудники Джебказгана... на крови одесситов!». Интервью газете «Вечерняя Одесса», апрель(?), 1992 г.
48. «Архивы не сохранились? Сомнительно». Республиканская газета Казахстанская правда», 3 июня 1992 г. (опубликовано после моего отъезда в США в качестве представителя двух организаций: «Конгресса предпринимателей Казахстана», Алма-Ата и ЦНИИ Проектстальконструкция, Москва)
49. Журнал «Вестник», 1998 год.
50. «Штыками пощупать. Что пишут российские историки о сталинских планах до 22 июня 1941 года». <http://www.vestnik.com/issues/98/0428/win/snitkov2.htm>
51. «Разоблачение или фальсификация» <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=965>

Статьи по материалам Виктора Снитковского:

Елена Савичева. «Преодоление» (по материалам писем политических репрессированных и членов их семей), республиканская ежедневная газета «Ленинская смена», 26 апреля 1989 г.

Ольга Лилина. «Никогда не должно повториться» о первой в СССР крупной выставке произведений репрессирован-

ных художников, скульпторов, архитекторов, а также просталинских художников и современных художников-демократов, а также документальных материалов жертв сталинских репрессий, которую я организовал. Выставка прошла в республиканском музее искусств им. Кастеева в Алма-Ате в августе-октябре 1989 года. (*Каталог выставки находится в биб-ке Международного общества «Мемориал» Москва*). Казахстанский республиканский еженедельник «Горизонт», Алма-Ата, 9 сент. 1989 г.

«Да, архивы сохранились», «Казахстанская правда» (ответ архивиста на статью «Архивы не сохранились? Сомнительно». Республиканская газета «Казахстанская правда», 3 июня 1992 г.) В домашнем архиве автора есть ксерокопия этой статьи с экземпляра газеты в библиотеке «Центра Дэвиса» в Гарварде.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
ЛЕВ МИХАЙЛОВИЧ ПРЕМИРОВ	9
<i>Приложение. Письмо Льва Премирова Ирине Калине от 9 марта 1954 года</i>	24
СТАТЬИ ОБ ИРИНЕ ИГНАТЬЕВНЕ КАЛИНЕ	
Виктор Снитковский <i>«Половой вопрос при социализме»</i>	35
С. Мельник. <i>«Детский» срок</i>	40
Валерия Гордеева <i>«Девочка, которая боялась потеряться»</i>	46
Елена Рачева, Анна Артемьева <i>«Шкатулка, переброшенная через забор»</i>	84
Эпилог	91
Фотоматериалы	
<i>Фотографии и фотокопии работ Л. Премирова из коллекции В. Снитковского</i>	92
Библиография	
Виктор Голювинов. <i>Документальный фильм об Ирине Калине «Политкаторжанка СХ-365»</i>	104
Интернетные сайты, посвященные КАРЛАГУ	104
Литература по истории политических репрессий, посвященная КАРЛАГУ	105
Статьи В. Снитковского по вопросам политических репрессий в СССР	108
Статьи по материалам В. Снитковского	111

Эта книга написана для сохранения памяти о двух художниках-политических заключенных, безвинно попавших в ГУЛАГ. Они были далеки даже от попыток противодействовать советской власти. И, тем не менее, были осуждены по печально знаменитой статье №58. Оба — типичные примеры имитации деятельности советских правоохранительных органов против так называемых «врагов народа». И вот два политических ЗКа встретились в каторжном «Степном лагере» около озера Балхаш. Точнее, встречи проходили по разные стороны забора из колючей проволоки.

Первый раз они увиделись, когда двадцатилетнюю красавицу Ирину Калину — недоучившуюся студентку художественного института, занятую на «тяжелом физическом труде», привели на встречу с изнеможенным, потерявшим в лагерях зубы, художником Львом Премировым. Он должен был определить, умеет ли молодая «катальщица тачек с бетоном» рисовать. Оказалось, умеет. Да и видеть такую красоту было счастьем для измученного ГУЛАГом Льва Премирова. Потом они выполняли с разных сторон забора материалы для «наглядной агитации» — плакаты, стенгазеты и другую блажь.

Красота Ирины с тех пор вдохновляла творчество Премирова. Он писал ее портреты по памяти (около забора из колючей проволоки рисовать запрещалось), рисовал фантастические сценки, где сказочные персонажи преклонялись перед одетой в изысканные костюмы Ириной, изготовлял и расписывал шкатулки для своего божества.

Оба, к счастью выжили, но их судьбы оказались изломанными...

ISBN 978-1-940220-66-6

9 781940 220666

9 0000 >

M-Graphics PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com